Галина БЕЛЯНИЧЕВА

Окончила Московский государственный университет имени Ломоносова. Журналист Государственной телерадиокомпании "Амур". Рассказы печатались в журналах "Литературная учеба" и "Дальний Восток". В 1990 году в Хабаровском книжном издательстве вышла ее повесть-сказка "Дедушкины часы", а в сборнике "Приамурье мое" за этот же год — повесть о подростках "Летние развлечения". В 1992 году издана книгой повесть "Фантастический дуэт". Последняя крупная публикация — цикл рассказов "Поселок Аэропорт" в альманахе "Приамурье-95". Член Союза писателей России.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

УВОЛЬНИТЕЛЬНАЯ С ТОГО СВЕТА

I. Трое появляются в городе

В первых числах июня 1994 года, часов в десять утра, в Благовещенске, по идущей от железнодорожного вокзала улице, в направлении центра скоро шагали трое парней. Были они одного возраста — года этак по двадцать четыре. Но поскольку одеждой и обликом молодые люди выражали три разных эпохи, то представитель старшей из них казался и возрастом старше, что на самом деле не соответствовало действительности.

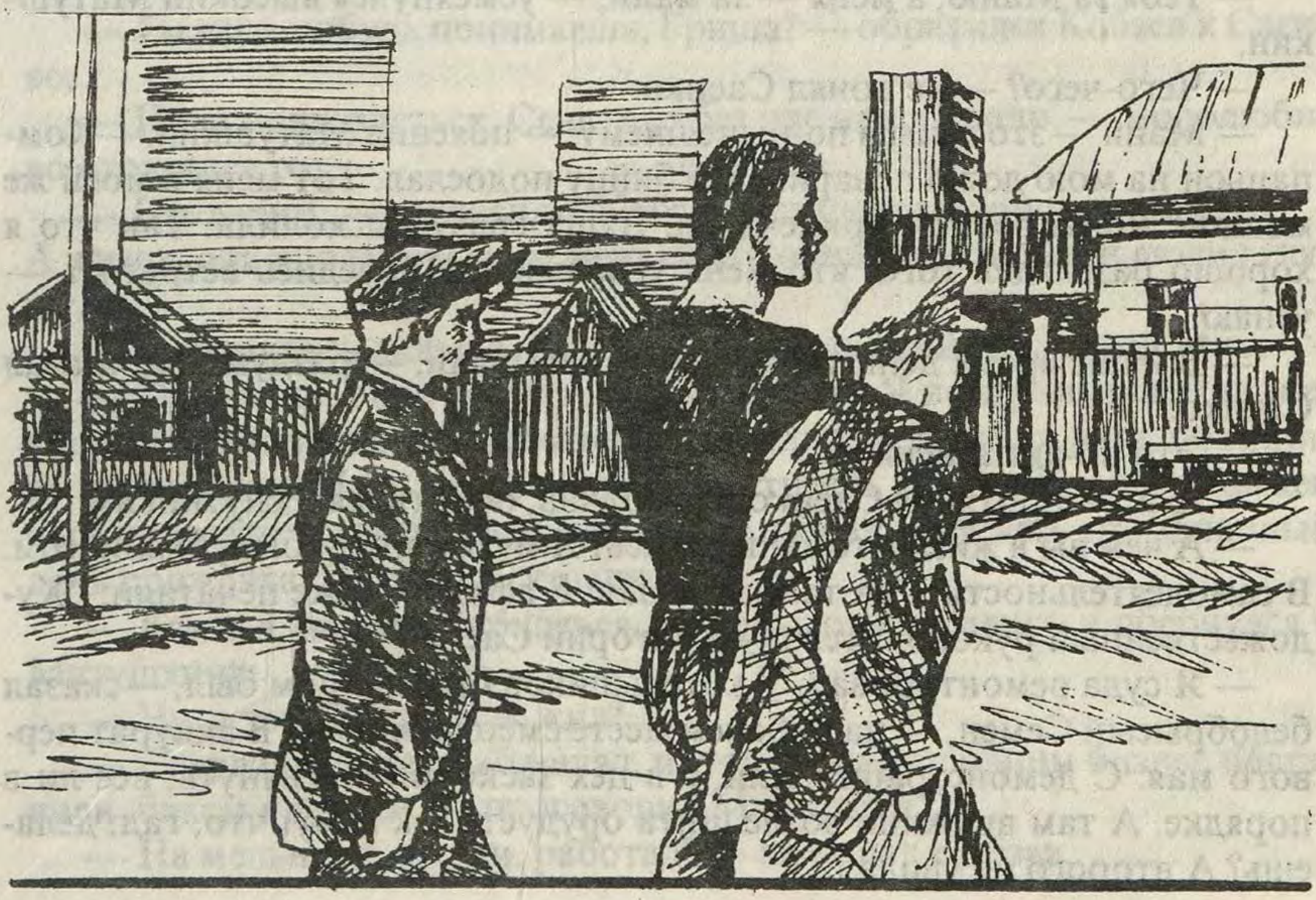
Тот из них, что шел ближе к проезжей части, был облачен в полосатую желто-коричневую тенниску со шнуровкой по вороту, светлый пиджак, еще более светлые брюки, белую фуражку и белые парусиновые туфли. Роста он был невысокого, плотный крепыш боксерского типа, белобрысый, со стриженым затылком, конопатый, светлоглазый, с бесцветными бровями и ресницами.

Шедший в центре если и выглядел выше конопатого, то за счет прямой осанки и гвардейской выправки. Одет был в костюм цвета какао, ярко-синюю тенниску с короткой металлической молнией под подбородком, широконосые, хорошей кожи штиблеты того же цвета какао. Из-под сдвинутой на бок кепки выпушивался длинный темно-русый чуб. Лицо у чубатого было широкое, с просторно посаженными и твердо означенными чертами. Оно располагало к доверию.

Третий парень, державшийся ближе к домам, возвышался над спутниками почти что на целую голову. Помимо роста природа одарила его хорошей фигурой, которую он принял с небрежностью, как данность, и со своей стороны разбаловал, держа в лениво-вальяжной позе. Одет он был в джинсы и черную футболку с желтым орлом на груди. Волосы темные, никаким убором не прикрыты, лицо ясное, мягкой обрисовки, но с проступающим иной раз надменным и жестким выражением.

В начале июня весна сходится с летом, невинность и зрелость соединяются — и краски бушуют, ликуют и торжествуют. Парни шли в деревянной части улицы, заставленной разнокалиберными домами: вросшими в землю избушками, одряхлевшими хоромами, подновленными и подправленными домами-картинками. Но все они, залитые ярким солнцем, принаряженные буйной зеленью, выглядели одинаково живописно и замечательно. Парни жадно осматривались и с любопытством поглядывали друг на друга.

Наконец шедший в центре, чубатый, в кепке набекрень, не удержался и вслух заметил:



— Машин много, троллейбусы, а так в городе мало что изменилось.

— Это только тут, а там, дальше, много новых районов, — отозвался высокий в джинсах.

— Ты давно отсюда? — остро глянул на него чубатый.

— Да уже несколько месяцев.

— Всего-то.., — качнул головою чубатый.

Белобрысый в фуражке блаженно проговорил:

— А запах-то, запах так и дурманит! — взглянул на спутников и представился: — Семен Кобзев, ушел из жизни в 1934 году.

Чубатый в кепке назвал себя:

— Григорий Саенко, погребен в 1954-м.

Высокий в джинсах сказал:

— Валера Матушкин, убит в этом, девяносто четвертом году.

Познакомившись, и тем став ближе друг к другу, они пошли дальше тесной кучкой, обгоняя редких в этой части улицы прохожих.

— Меня по вредительству загубили, — говорил белобрысый Кобзев. — Железякой сзади...

— А я пропал из-за ревности, — отозвался чубатый Саенко. — Невеста у меня была, Маня. Длиннокосая... А к ней Митька Колодин, бандюга, навязывался. Встретил меня, с дружком мы шли. Ну, я подошел по-хорошему с ним поговорить, объяснил, что она меня любит, что поженимся скоро, думал, что убедил, а у него последний довод был припасен: ломиком по голове, тоже сзади. Таким путем треугольник наш и разрубил. Маня ему досталась.

— Тебя за Маню, а меня — за мани, — усмехнулся высокий Матушкин.

— Чего-чего? — не понял Саенко.

— Мани — это деньги по-нынешнему, — пояснил Матушкин. —Компаньон на мою долю позарился. Убийцу подослал. Тот меня в моей же машине монтировкой припечатал. Душа сразу выскочила. Так что я хорошо разглядел того, кто меня угораздил. Приведись встретить — узнаю.

— В наше время деньги манями не называли, — раздумчиво сказал Саенко.

— Это по-английски.

— А-а, — протянул Саенко. Помолчав, обратился к спутникам:

— А чем вы в жизни-то занимались? Я музыкантом был, баянистом. В самодеятельности и на танцах играл. В афишах даже печатали: "Художественный руководитель — Григорий Саенко".

— Я суда ремонтировал. У котельщиков бригадиром был, —сказал белобрысый Семен, — на рабочем месте смерть принял. В аккурат первого мая. С демонстрации шли, я в цех заскочил — глянуть, все ли в порядке. А там вражина возле щита орудует. Я к нему: что, гад, делаешь? А второго не увидал...

— Кто же тебя в праздник на работу гнал? Шел бы лучше водочку пить и закусывать, — заметил с насмешкой Матушкин.

— Я же бригадир, за производство ответственный.

— Сторожа бы отвечали.

— Ну, сторожа... Навигация же на подходе, суда сдаем. Любая проволочка равна вредительству.

— Без тебя же сдали.

— Так это потому что я вовремя кинулся, оборудование уберег.

— Какое тогда оборудование было? — презрительно хмыкнул Матушкин.

Кобзев в недоумении похлопал белесыми ресницами.

— Никак не возьму в толк, чего тебе не понятно. Разве у вас не так было?

— Конечно, не так, — сказал Матушкин. — Кто бы у нас за государственное добро на рожон лез? Да гори оно синим пламенем! Все равно его растащили.

— Как растащили? — встал как вкопанный Кобзев.

— Да вот так. Хапнули, кто что сумел.

Кобзев молча посопел, зло сузив светлые глаза.

— Выходит, нас рано повыбивали, — процедил он.

— Ты бы тоже тащил, если б живой был, — сказал Матушкин. — Сейчас таких нет, кто не тащит.

Кобзев нахмурил бесцветные брови и, подумав, спросил:

— И страна стоит?

— Видишь — стоит.

— Ты чего-нибудь понимаешь, Гриша? — обратился Кобзев к Саенко.

— Надо приглядеться, Сеня, что без нас наворочали, — миролюбиво отозвался тот.

— Поглядим, — согласился Кобзев, огляделся вокруг и вздохнул. — А жизнь, она вроде совсем не меняется. Солнышко светит, и люди гуляют.

Они тронулись дальше. Кобзев вспоминал свой последний день.

— Говоришь, водочку пить и закусывать? Я водку не пил. Так, некрепкое что-нибудь, вроде материной наливки. Закуски мы к празднику наготовили. Мать пирогов напекла, студень залила. Кланю я должен был привезти в гости. Она, бедняжка, понапрасну весь праздничный день прождала. Потом ей сказали...

— Как и я, не успел жениться, — подытожил Саенко и обернулся к Матушкину:

— Ну, а ты, Валера, как жил?

— Сперва на фарце забашлял, потом на пару с одним бизнес поставили, баксы крутили, — проговорил Матушкин.

— На мельнице, что ли, работал? — не понял Кобзев.

— Почему на мельнице? — удивился Матушкин.

— Говоришь, вальцы крутил.

— Не, он был блатной, — предположил Саенко.

— Почему блатной? — обиделся Матушкин.

— Сам же сказал, что с фарта жил.

— Я сказал, что башлял на фарце, — торговал то есть. Капитал сколотил, перешел на валюту.

— А делал-то что? — недоумевал Саенко. Кобзев — тот просто моргал и все.

— Валюту менял. Рубли на баксы, баксы на рубли, приварок — в карман.

— Спекулировал! — догадался Саенко.

— Спекуляция — когда по мелочи. А у меня по-крупному, бизнес был.

— Что за ерунда? — не выдержал Кобзев. — Вроде бы русский, а говоришь как-то... Я ничего не понимаю!

— День, Сеня, еще долгий. Надеюсь, к вечеру разберемся, —обнадежил Саенко.

Тут парни подошли к району кирпичной застройки и, посовещавшись, свернули в глубь квартала.

II. "Кобзев Сеня, комсомолец..."

Застройка давно уже была обжитой, обшарпанной и застарелой. Занимая квартал между четырьмя улицами, она являла собой замкнутый прямоугольник, рассеченный домами-перегородками на череду внутренних дворов. В один такой двор и забрела тройка пришельцев и уселась на скамейку на краю детской площадки.

На площадке, обнесенной низким штакетником, в этот час обреталось много разного народа, высыпавшего сюда из окрестных домов. С брызгалками носились выпущенные на каникулы мальчишки. В песочнице копались малыши. На верхушках деревянных горок девочки устроили кукольные уголки, хозяйственно в них возились, изредка взглядывая на то, что творилось внизу. В тени под деревьями устроились две старушки, выгуливавшие, очевидно, уже правнуков. По дорожкам за площадкой проходили хозяйки с сумками, охотно посвящая друг друга в то, что где продается и по какой цене.

Пришельцы зачарованно глядели на кипевшую рядом с ними обыденную жизнь. Пробегая мимо, мальчишки прыснули в них струей из брызгалки и как живой водой окропили. Парни очнулись, с горечью сознавая, что в этой жизни они не участники, а всего лишь свидетели.

Кобзев приподнял фуражку, потер короткостриженую голову носовым платком и озадаченно проговорил:

— При мне этих домов еще не было, а такое чувство, что я из жизни именно отсюда ушел.

— При мне их тоже не было, а ощущение то же самое, — поддержал Саенко.

— При мне все это уже было старье. Не любил сюда заезжать. А сейчас смотрю — и как у родной мамочки побывал, — сказал Матушкин.

— На Руси все сапоги одинаково снашиваются, — усмехнулся Саенко.

— Вон мои современницы век доживают, — указал на старушек Кобзев. — Схожу, покалякаю с ними.

Он натянул поглубже фуражку, одернул пиджак и с почтительным видом подошел к сидящим на соседней лавочке.

— Здравствуйте, бабушки. Здешние вы или приезжие?

Спрашивая, он стеснялся, густые конопушки залил темный румянец, белесые его ресницы простовато топорщились. Бабушки сразу же к нему расположились.

— Мы здешние, мил человек. Тут родились, тут и помрем.

Обе старушки были похожими одна на другую: широколицые, рыхлые, с гребенками в подрубленных волосах, в одинаково синих, не сходящихся на животе плащах.

— Скажите тогда, имя Семен Кобзев вам что-нибудь говорит?

Бабушки сначала тупо на незнакомого парня воззрились, затем переглянулись, ища поддержки друг в друге, и только потом в их забывчивых головах началась работа. Семен опустился на корточки, чтобы им удобнее было на него смотреть. Они соображали, а он с посерьезневшим лицом сидел против них. Его наружный вид, кажется, навел бабушек на воспоминания. Одна из них после тягучего раздумья что-то из памяти выудила.

— Семен Кобзев... Как же, комсомолец такой был. Его по вредительству убили, — проговорила она.

— Да, да, — закивала вторая. — Мы пацанками еще были, когда его хоронили. Гроб на открытой машине везли. Весь город вослед шел. Сколько речей у могилы сказали, сколько наобещали: "Мы, Семен, никогда тебя не забудем". Где там, сразу почти забыли.

— Почему забыли? — спросил Кобзев.

— Да потому, что жизнь на месте не стоит. Сегодня одно, а завтра другое, — рассудила старушка и повернулась к товарке. — Нина, не помнишь, год какой был?

— Мы еще пацанками.., — принялась отвечать та.

— Пацанками, ясно, а год-то какой?

— Тридцать четвертый, — подсказал Кобзев.

— Тридцать четвертый, — подхватила старушка. — А вскорости тридцать седьмой, а там война. Столько стало покойников, что всех не упомнишь. Но мы-то, молодежь, долго Семена не забывали. Песня у

нас была длинная-длинная, о всех за советскую власть убиенных. Улицу из края в край пройдешь, тогда только допоешь. Мы, подружками, бывало, вечерком выйдем, обнимемся, по середке улицы идем и перебираем, и перебираем. Всех воскресим-похороним. О Семене Кобзеве тоже куплетец был.

— Ну-ка, какой? — загорелся Кобзев.

— Теперь-то уже не помню, столько лет прошло.

— Ну как же, Тоня, — встрепенулась старушка Нина. — Там еще слова такие щипательные, слезу всякий раз прошибало.

— Так скажи слова-то, — проворчала старушка Тоня.

— Наизусть не скажу, а если запеть, может сами на язык вспрыгнут.

— Ну и запой, — не отступала Тоня.

— Забыла, забыла, все перезабыла, — качала головой Нина.

— Мотив, что ли, трудный был? — спросил Кобзев.

— Зачем трудный? — Тоня махнула рукой. — Мы раньше мотивами не щеголяли, какой знали, на тот и пели.

— А какой знали? — не отставал Кобзев.

Тоня досадливо на него покосилась, но потом ее взгляд пошел мимо него, далеко-далеко, в полузабытую пору, когда она с подружками в обнимку пела. И вдруг, нежданно-негаданно для себя, она протяжно и заунывно вывела:

Враг не дает нам передышки,
Склоняет нас на смертный бой.
И Кобзев Сеня, комсомолец,
Упал с пробитой головой.

— Так, так, — обрадованно закивала Нина.

— А как дальше? — спросил Кобзев.

— Дальше уже про других. О Сене только куплетец и был, — сказала старая Нина.

— Давайте вместе его пропоем, — предложил Кобзев.

Старушки вдохновились, настроились и вместе с незнакомцем дружно протянули куплет до конца, последние две строчки пропели дважды, вытерли платками повлажневшие глаза.

Кобзев какое-то время сидел потупившись, потом поднял голову и спросил:

— Убийцу нашли?

— Сениного? — откликнулась Тоня. — Сеню же враги сгубили. А их тогда, как гороха, не пересчитать было. Иных, правда, сыскивали, но Сениного не слышно, чтобы нашли.

— А что стало с его невестой, не знаете?

— Про невесту совсем ничего не скажем. Никто о ней ничего не рассказывал.

— На похоронах она сразу за машиной шла, — попытался напомнить Кобзев.

— Может и шла. Где там было разглядывать? Мы и покойника толком не видели — всюду толпа закрывала.

Старая Тоня вдруг подозрительно пригляделась к странноватому собеседнику.

— Зачем тебе этот покойник и его невеста? Сам-то кто будешь? Неужели о Сене Кобзеве плохое что разузнали?

— Почему плохое? — не понял Кобзев.

— Хорошее нынче не вспоминают. Прежде Сеня героем был, а сейчас, может, врагом его выставят.

— Герой разве не навсегда? — удивился Кобзев.

— Ничего уже вечного нет — ни врагов, ни героев, — проговорила старая Тоня. — Не понимаю я нынешних порядков. Кабы просто растолковали: что да как. А то словами сыпят, не знаешь как разобраться. Раньше тоже непонятные слова говорили, но их все ж таки объясняли. Политграмота была и другая учеба. Нынешние не толкуют, им некогда. Словами соблазнили, словами и запутали.

— И в писании про то сказано, — поддержала товарку старая Нина. — "В начале было Слово и Слово было Бог". Все, значит, от слова и через него.

— Спасибо, бабушки, за память. Живите долго, — пожелал им Кобзев.

— И тебе, мил человек, добрых дел, — ответно пожелали старушки.

Спутники Кобзева поднялись со скамейки. Саенко шагнул навстречу приятелю:

— Дай, Сеня, пожму руку. Прекрасная у тебя была смерть.

Матушкин тоже протянул руку, но пожал без воодушевления.

— Зря все-таки ты потащился на работу, — начал было он, но Саенко резко его осадил.

— Уймись, червоточина!

Матушкин заметил, что лицо Кобзева у края фуражки красное и в каплях пота.

— Чего это ты краснеешь? — подозрительно пригляделся он.

— Я при жизни часто краснел, — проговорил Кобзев, снял фуражку и протер платком голову.

— При жизни — ладно, а теперь-то с чего? — дивился Матушкин.

III. Гриша - музыкант

К стеклянному гастроному, самому большому магазину района кирпичной застройки, пришел человек с баяном в футляре. Выглядел он вполне прилично: в хорошем костюме, не новом, но заботливо оберегаемом, с седеющей опрятной бородкой, суховатый, легкий. Но при ближнем рассмотрении в человеке этом, за наружной респектабельностью,

угадывался какой-то внутренний надлом и опустошенность. Недаром у него был прыгающий, как бы судорожный шаг, дрожащие пальцы, неуверенный, ускользающий взгляд.

Человек расстелил на бетонной приступочке магазина принесенный с собою ковровый обрезок, сел на него, поднял на худые колени баян, оставив футляр открытым для подаяний, и заиграл мелодии военных лет. Играл он заведенно, невыразительно. Музыка путалась между прохожими, не пробуждая в них никаких чувств, оттого и в футляр ничего не бросалось.

Григорий Саенко, выходивший с товарищами со двора на улицу, поймал ухом стенанье баяна и круто свернул в направлении звуков. Двум его спутникам пришлось последовать за ним.

Подойдя к музыканту и разглядев его, Саенко вдруг заулыбался:

— Да это же закадычный дружок Вадик! — воскликнул он. Лихо заломил кепку, упер руки в бока под расстегнутым пиджаком и в торжестве прежнего своего облика предстал перед старинным приятелем.

Тот продолжал заведенно играть и туманно глядел на улыбавшегося ему парня.

— Это ты, Гриша? Живой? — наконец вымолвил он.

— Я, Вадик, но только мертвый.

— А те, что с тобой, они кто?

— Тоже мертвы.

— Зачем ты пришел? — тоскливо спросил музыкант.

— Дело есть.

— Ко мне?

— Нет, Вадик, ты по пути попался. И знаешь, я рад тебя видеть.

— Правда, Гриш?

— Еще как! — заверил Саенко и поинтересовался. — На улицах теперь играешь?

— Да вот, к пенсии прирабатываю. Да никто не подает.

— Кто ж подаст, когда ты не играешь, а с тоски воешь. Надо, чтоб до сердца пробирало.

— Проберешь их теперь, как же, — проворчал музыкант.

— Дай я попробую, — вызвался Саенко. Сел рядом с приятелем, взял у него баян, ловко пробежал пальцами по кнопочкам и радостно удивился. — Неужто мой?

— Твой, — признался Вадим. — С того самого раза у меня. Я на нем почти и не играл.

Саенко подхватил оборванную Вадимом мелодию. Это были задумчивые и протяжные "Ой туманы мои, растуманы". Люди, входившие в магазин и выходившие из него, начали оглядываться на игравшего. Некоторые подходили ближе. В основном это были пожилые домохозяйки и старики-пенсионеры. Они просто слушали. Деньги же в футляр бросали молодые.

— Эй, батя, вжарь чего-нибудь поживей да посовременней, — крикнул музыканту какой-то парень, отиравшийся возле киоска с выпивкой.

— Поживее могу, а современней — не позднее тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года, — ответил Саенко.

— Тогда заткнись, — посоветовал парень.

— Сам заткнись! — загалдели собравшиеся. — Играй, баянист.

— Желаете потанцевать или так послушать? — задал вопрос Саенко.

— Ты уж, милок, играй, а мы сами решим, — отвечали ему из толпы.

Григорий сдвинул кепку на затылок, картинно выпрямился и с ходу повел "Рио-Риту". Слушатели от неожиданности захлопали. Самые заводные из них не выдержали и принялись танцевать. Собравшиеся посторонились, давая им место. В кругу составилось несколько пар, из одних женщин. Хозяйственные сумки свисали у них с локтей. Баян заливался не умолкая. Григорий только менял фокстроты, перебирая все, какими когда-то ошеломлял танцплощадку. Народ копился возле него, слушая и глазея.

Из дорогой машины смотрел на толпу молодой делец. Его ребята, два дюжих молодца с бритыми затылками и налитыми шеями, заскочили по делу на зады магазина. Он дожидался их, со скукой глядя в боковое окошко с опущенным стеклом.

Увидев его, Матушкин кивнул Кобзеву: сейчас, мол, вернусь, — и махом оказался возле машины. Просунул голову в рамку окна и холодно уставился на сидящего. Тот побелел до синевы. Какое-то время Матушкин молча его изучал, потом с усмешкой вымолвил:

— Как это в газетах писали? "Найден труп неизвестного молодого мужчины". Убитого-то опознали, а убийцу до сих пор не нашли.

— Ты... ты как..? — бессвязно залепетал делец.

— Своими ногами, как видишь. А ты думал, что меня легко уложить?

— Пришел м-м-мстить?

— За этим не заржавеет. На том свете первым тебя встречу. Так что не торопись на свидание. Но, сдается мне, ты совета моего не послушаешь. Свои же и замочат.

Бледная физиономия дельца покрылась холодной испариной. Вернулись его битюги. Один из них сел за руль, другой задержался возле машины, вопросительно глядя на патрона. Матушкин без интереса на него покосился и снова перевел внимание на дельца.

— Мою долю, всю, до последнего бакса, и с процентами, вернешь матери. Я проверю.

Делец кивнул. Битюг, стоявший у машины, видя плачевное состояние патрона, нетерпеливо напомнил:

— Шеф, скажи.

Шеф и глазом на него не повел. В отношении своих ребят он контроль не терял. Это он перед покойником сник.

Матушкин отлепился от машины и неспешно повернулся к охраннику. В это мгновенье между ними встал Кобзев. Битюг мигом прикинул, чего стоит этот новый — хоть и невысокий, но плотный и, по всему видать, упорный. Того, длинного, толковавшего с шефом, он в расчет не брал: кормленый, но слабак.

— Полезай, охрана, в машину, а то без тебя смоются, — миролюбиво сказал ему Матушкин.

Делец кивнул. Битюг скоренько опрокинулся на сидение, и машина рванула.

— Что же, ты шеф, не сказал, я бы его сделал. И того, что с ним. тоже, — повернулся к хозяину битюг.

— Его без тебя уже сделали, — прохрипел делец, а про себя с холодком продолжил: "теперь, похоже он, он меня сделает".

— Ты что тут? — спросил Кобзев у Матушкина.

— С компаньоном поговорил...

— С тем самым?

— С ним.

— Ты же понимаешь, мы не счеты сводить сюда пришли, — предостерег Кобзев.

— Хорошо тебе говорить, когда столько времени прошло. А у меня тут еще все по-живому, — огрызнулся Матушкин.

— Все равно сдерживайся.

— А я что, по-твоему, делаю? — взвыл Матушкин.

Они возвратились в толпу и стали рядом с играющим Саенко.

Григорий жадно раздвигал меха. На слух же его музыка была задорной и завораживающей, отчего и собрала возле себя столько народу.

Одна из танцующих в паре женщин, в светлом платье и кудряшках, крикнула ему:

— Эй, парень, кто ты такой? Больно похож на того, по ком я в семнадцать лет сохла. Привет, Вадим, — кивнула она соседу игравшего. — Кого это ты с собою привел?

Вадим насупленно промолчал. Саенко окинул взглядом пухлое лицо женщины, ее полную, но хорошо еще обозначенную фигуру — и они ничего ему не напомнили.

— Сама-то кто? — спросил он.

— Я Ляля Клемина, — игриво отозвалась она.

Имя ее тоже ничего ему не сказало.

— Не очень, вижу, высохла, — шутливо заметил он.

— Так это ж когда было? — засмеялась женщина, и оторвавшись от партнерши, плавно развернулась и приземлилась точно между мужчинами. Вадим и Саенко отодвинулись друг от друга, давая ей место. Оставленная ею партнерша подхватила другую женщину и вновь пошла танцевать. Ляля Клемина сидела между двух мужчин, ближе к молодому, и, перебивая музыку, исповедовалась:

— Ох, как я по нем страдала, ночей не спала, а он за Маней, подружкой моей, ухаживал. Как я горевала, сколько переплакала. А замуж удачно вышла, за военного человека. По стране с ним поездила и за границей жила. Он до полковников дослужился. А как вышел в отставку, мы на родину возвратились. А Маня, соперница моя, в девках повеличалась, зато замужем сопли на кулак помотала. Муж косы ей вытрепал. Парень-то, на которого ты похож, никому не достался — убили его. Гришей Саенко звали.

Ляля Клемина пристально вгляделась в музыканта.

— Ты, случаем, не его родственник? Ну, вылитый он! Как из молодости моей выпрыгнул. Играешь, как он... "На крылечке твоем" знаешь? Сыграй, и вместе споем. Я всегда мечтала с ним эту песню спеть, а он ее только с Маней пел.

Саенко перевел мелодию очередного фокстрота на вальс и первым запел. Ляля подхватила:

На крылечке твоем каждый вечер вдвоем
Мы подолгу стоим и расстаться не можем на миг.
"До свиданья" скажу, возвращусь и хожу,
До рассвета хожу мимо милых окошек твоих.

Танцующие, кто остановился, слушая песню, кто закружился в вальсе. Песня была недолгой и после слов:

"Я люблю тебя так, что не сможешь никак
Ты меня никогда, никогда разлюбить".

Саенко круто свернул музыку и загрустил. Ляля сидела умиротворенная, словно взяла у жизни то, что ей полагалось по праву.

Публика, поняв, что продолжения не будет, начала потихоньку расходиться. Кто просто благодарил, кто бросал в короб деньги. От пролившегося в футляр бумажного дождя у Вадима разгорелись глаза.

— Ну вот, все мои мечтания посбывались, — сказала, подымаясь, Ляля. — Знать бы заранее, что жизнь хорошо сложится, можно было бы не плакать. Хотя сейчас эти слезы сладкими кажутся. Как тебя звать,парень? — обратилась она к музыканту. — А впрочем, к чему мне твое имя? Спасибо, что душу согрел.

— Не жалеешь, Ляля, что не собрала свои слезы в бутылку? Сейчас бы сахару не понадобилось, — неожиданно зло бросил Саенко.

Женщина расправила плечи и с достоинством сказала:

— На сахар у меня, слава Богу, хватает. И не Ляля я вовсе, а Елена Павловна Суржикова.

И она поплыла прочь, не подозревая того, что рассталась с последней крупицей молодости.

— Гляди-ка на нее..." Любила, страдала", а чего же тогда не признала? — проворчал вслед ей Вадим.

— Кто она такая? — спросил Саенко.

— Не помнишь разве, кудреватая девица возле Мани крутилась?

— Я тогда кроме Мани никого не видел.

Вадим покосился на молчаливо стоявших в сторонке спутников друга, помялся, но все же, опустив глаза, спросил:

— Меня, Гриша, ты сильно винишь?

Подумав, Саенко сказал:

— Нет, Вадик, почти все я тебе простил. Кроме одного — зачем не сказал Мане?

— Она разве не догадалась? — дернулся Вадим.

— Догадаться — одно, а наверняка знать — другое. Если бы ты ей сказал, а еще лучше бы — поддержал, она бы Митьке не поддалась, — упрекнул бывшего друга Саенко.

— Ты и ей простил? — удивился Вадим.

— Мне нечего ей прощать: она передо мной не виновата. Это я перед ней виноват — оставил ее без защиты. Подружки, сам знаешь, какие возле нее были, да и друзья не помогли.

— Что хочешь, Гриша, со мной делай, а за нее я отвечать не хочу. Перед тобой виноват — оставил тебя вдвоем с Митькой и потом промолчал. А Мане что я мог сделать? Она доброй волей за Митьку пошла. Ну, сказал бы, что Митька тебя... Он бы и меня пришил, а она б все равно за него замуж вышла. Нет, Гриш, лишнего на меня не вали. Мой грех перед тобой. Он мне всю жизнь переломал. А у Мани свой грех. Он ее жизнь искорежил.

— Пойми, Вадик, — Саенко придвинулся ближе к приятелю, — пусть ты не помог мне, зато помог бы Мане, и этим бы ты свою вину искупил и не мучился ею.

— Я все равно бы мучился. Хоть ты и говоришь, что простил мне, я-то себе никогда не прощу. Скажи, как сам ты с Митькой-то разобрался? Он ведь давно к тебе ушел.

— С кем было разбираться? Он еще заживо сгнил, — поморщился Саенко.

— Значит и ему не прошло даром? — мрачно заключил Вадим. —Ну что ж, у него свой крест, у меня свой, у Мани свой, а у тебя, Гриша, свой. Если бы каждый из нас знал, чем это для него обернется, наверно, поступил бы по-другому.

— Ты прямо как Ляля, которая о слезах пожалела, — усмехнулся Саенко.

— Ну, Ляля с жиру, а про себя я уже столько раз думал... Ну чего я тогда не вышел к Митьке вместе с тобой? Ну, прибил бы он нас. А может, двоих-то и побоялся бы, и жил бы я с чистой душой. Какая цена моей жизни после того, как я друга предал?.. Ты как, есть-пить можешь? А то пойдем ко мне, выпьем. Денег вон сколько накидали, на закуску и выпивку хватит.

— Нет, Вадик, у меня всего один день и дела.

— К Мане пойдешь?

— Обязательно.

— А я, Гриша, напьюсь. И больше, чем всегда. Друг закадычный вину снял.

Саенко с грустью поглядел на приятеля.

— Ты бы по солнышку прогулялся. Оно ведь тебе светит, а не мне.

— За солнышко тоже выпью. Сокрушен я, Гриша, окончательно и бесповоротно.

— А я, Вадик, полагал, что это я сокрушен, а вы все живете.

IV. Тезка

Гриша Колодин, внук Митьки Колодина и Мани, стоял на базаре, на закрепленном за их семьей месте — по косой дорожке от углового входа, ближе к центру. Место хорошее. Все, кто заходит на рынок или выходит из него с этой стороны, идут мимо колодинского прилавка.

Сегодня Гриша стоял один. Люська, дядькина жена, взяла себе отгул. Без нее у Гриши торговля шла вяло. Люськин крикливый задор если не покупателя, то уж зрителя обязательно приманивал. А сейчас публика валила мимо, и Гриша ленился кого-либо зазывать. Ему до чертиков надоела и дядькина спекуляция, и наглая дядькина жена Люська, но с выручки от торговли он жил и учился в школе восточных единоборств, рассчитывая в дальнейшем устроиться вышибалой в казино или ночной клуб.

Отец Гриши, Саша Колодин, Митькин первенец, запропал где-то на шабашке. Пробовали узнать, подавали в розыск — и не нашли. Мать еще раньше перебежала к другому, завела в новой семье ребенка. Хватилась потом квартиры, захотела потеснить сына, да у Колодиных разве что отнимешь? Гриша показал ей кулак и сказал, что квартира ему заместо родительской ласки, и если она вздумает затевать какие-либо тяжбы, он пустит кулак в дело. Припугнув мать, он и смотревшую за ним бабку, к огорченью Сереги и Люськи, в родовое гнездо отправил. Тогда Серега с Люськой к нему влезли: Серега его жилье в склад превратил, и Люська сюда заходила добро пересчитать, а заодно по-женски приголубить племянника, чтобы не задичал совсем.

Грише было семнадцать лет. Грудь его растащило вширь, голова сидела на крепкой насадке. Голубые глаза без тени смущения, твердо очерченный рот, и характер волка — не то чтобы угрюмый и необщительный, но жестко обособленный, не поддающийся приручению.

Так как торговля шла вяло, Гриша работал только глазами. В потоке, валившем от ворот, он заметил не совсем обычную троицу, продвигавшуюся так, что сразу было понятно, что эти трое вместе. Путь пробивал доисторический элемент в белой фуражке. За ним двигался чубатый в кепке. Замыкал команду высокий в черной футболке, един-

ственный нормальный из трех. Троица, ни на что не глядя, двигала мимо прилавков, и Гриша никак не ожидал, что она тормознет у его места. Тем не менее странная компания выстроилась именно перед Гришей, заслонив собою проход.

— Здорово, тезка! — поприветствовал чубатый в кепке.

— Привет, челночок! — сказал высокий.

Третий, в фуражке, с белесыми моргалами, загляделся на косую сажень Гришиных плеч и уважительно произнес:

— Здравствуй, товарищ!

— Нашел товарища, — хмыкнул высокий.

Этих парней Гриша прежде не видел, опасности от них не почувствовал и потому без церемоний оборвал белесого:

— Я тебя в долю не брал, чтобы товаркаться.

— Как же тогда к тебе обращаться? — захлопал ресницами белесый.

— Называй его господином, — подсказал высокий.

— С этим барахлом за прилавком — и господин?

Гриша оскорбился:

— Этим "барахлом" я и тебя из товарища господином сделаю. Причем сверху донизу.

— Нет уж, спасибо, — выставил вперед небольшие, но крепкие ладошки белесый. — Я товарищем желаю остаться.

— Тогда зачем по базару ходишь? Иди на митинг. Здесь торгуют, а не политикой занимаются, — посоветовал Гриша, поняв, что эти ребята не покупатели.

— Не политикой? — вступил в разговор чубатый в кепке. — Да вас на базаре, как сельдей в бочке, и это, по-твоему, не политика? Молодой, здоровый, с барахлом стоишь, а не за станком и не за учебниками — это тоже не политика?

— Ну, стою, а могу и не тут стоять... — набычился Гриша.

— А в вышибалах, например, — сощурился чубатый.

Гриша подозрительно на него зыркнул. Похоже, эти ребята кое-что о нем знают.

— Кто тебе наболтал?

— Да я почти что твой родственник.

— Не помню я таких родственников.

— Давай познакомимся. — Чубатый протянул через прилавок сложенную ладонь. Гриша подал свою.

— Григорий Саенко. А ты — Григорий Колодин. Правильно?

— Угу, — буркнул Гриша.

Пожатье чубатого оказалось не по комплекции крепким: как клещами сдавил руку. Гриша и сам дюжий молодец: кулаком доску ломает, а ребром ладони колет кирпич — но этот невзрачный посильней его будет. Гриша решил проверить и белобрысого "товарища". Протянул ему руку и ощутил сильнейший зажим.

— Семен Кобзев, — простодушно назвался тот.

Гриша поздоровался с третьим — и снова его руку как тисками сдавило.

— Валера Матушкин, — дружелюбно представился высокий.

Гриша посерьезнел. Каждый из этих ребят много сильнее его, и к нему они подошли явно неспроста.

— Как башляется? — поинтересовался Матушкин.

— Да никак, — поморщился Гриша.

— Давай я за тебя постою, а ты с моими дружками пройдись, — предложил Матушкин.

— Как это — пройдись? — вскинулся Гриша. — А товар?

— Я мигом его раскидаю и выручку всю тебе отдам.

— Раскидаешь? Ты же видишь — торговля не идет, — усомнился Гриша.

— У него пойдет, он на такие дела мастер, — вмешался Саенко. — Забирай, что наторговал, и айда с нами, разговор есть. А он нас разыщет.

Гриша пощупал висевшую на животе сумку-кошелек. Денег в нем немного, но и с этим жаль расставаться. Однако силе следует подчиняться. Гриша с неохотой принялся называть цены товаров.

— Да брось ты, он сам разберется, — оборвал его Саенко.

Матушкин прыжком с места перелетел к продавцу за прилавок. "Нехило", — оценил про себя Гриша. Показал навязанному ему сменщику две громадных сумки, объяснил, в какой что лежит. Матушкин понимающе кивнул, подхватил дюжего торговца под мышки и легко перекинул к ребятам.

Когда парни скрылись за воротами, а Матушкин разбирался с товаром, к нему подступили три крутых молодца и потребовали плату за место.

— Разве оно не оплачено? — удивился Валера.

— Может и оплачено, но ты нам еще не платил.

Было видно, что они не шутили. Матушкин предложил мировую:

— А я пока и не торговал. Как наторгую — приходите.

— Заплатишь независимо от того, как наторгуешь, — сказали крутые ребята.

— За мной не заржавеет, — пообещал Матушкин и попросил посторониться, так как покупатель уже шел.

Заглянувшего прицениться парня он одел с головы до ног, нахвалил покупку и пообещал, что о потраченных деньгах тот не пожалеет. Со следующим покупателем торговался до последнего и в результате навязал ему больше, чем тот хотел. Молоденьким девчушкам продал блестящие заколки, ребятишкам — жевательную резинку. Все, кто проходил туда и сюда по косой дорожке, заглядывали к нему и отходили довольные, с покупкой. За полчаса он распродал все. Когда собирал сумки,

крутые молодцы напомнили о должке. Он перескочил к ним через прилавок и с ходу начал расплачиваться. Одного пинком услал к воротам, где тот влип в решетку, второго схватил одной рукой за шиворот, другой за штаны на заду и швырнул вверх так, что тот птицей взмыл над рынком и неведомо где приземлился. Третий сам побежал, да с такой скоростью, что с ним расплатиться Матушкин не успел. Покончив с долгами, Матушкин шагнул к воротам и исчез.

В это время Гриша Колодин с новыми знакомцами сидел на пустых трибунах, располагавшегося неподалеку стадиона. Ленивые тренировки на футбольном поле не мешали их беседе. Говорили Саенко и Колодин. Кобзев молча слушал.

— Скоро тебе предложат убить человека, — сказал Саенко Грише.

— Кто предложит, вы? — не смутившись, спросил тот.

— Нет, не мы...

— Заказное убийство, что ли?

— Да. И деньги посулят немалые.

— А у вас какой интерес?

— Чтобы не убивал.

— Сколько заплатите? — бесстрастно спросил Колодин, глядя мимо собеседника.

— Заплатить за что? — не понял Саенко.

— Чтобы не убивал, естественно.

Саенко пожалел, что с ними нет Матушкина. Тот бы знал, как говорить с этим юнцом. По лицу Кобзева пошли красные пятна, из-под фуражки выступил пот. Кобзев обнажил голову, вытер ее платком, но вслух ничего не сказал.

Саенко терпеливо продолжил.

— Платить мы не будем, но кое-что объясним. То, как ты решишь, повлияет на судьбу твоей семьи, тебя самого и твоего потомства.

— До семьи мне нет дела, потомство само о себе позаботится. А обо мне можете сказать, я послушаю.

— Не думай, что ты сам по себе. Твои предки и потомки такой роскоши тебе не позволят.

— Какие предки? Родители меня бросили — им я ничем не обязан. Бабка... с ней я не больно чикаюсь. Потомства пока не предвидится.

— Не скажи, Люська завязь под сердцем уже носит.

— Неужели от меня? Я ей, суке, скажу, чтобы выдрала.

— Такие вопросы женщины решают сами.

— Вот сама пусть и расхлебывает, мое дело стороннее.

Гриша вдруг сообразил, что никто, в том числе и сама Люська, не может знать, от кого именно — от него или от мужа — она подхватила.

— На пушку берешь? — покосился он на собеседника.

— Зачем на пушку? Точно знаю. Могу даже сказать, какáя судьба ожидает твоего первенца.

— Ну и какая? — машинально спросил Гриша.
— Ему предназначено стать убийцей.
— Да мне-то... — Гриша дернул плечом. — Что я, возиться с ним буду?
— Люська в отместку тоже не будет. Займутся им старшие братья. Они его вызверят.
— Я-то что поделаю? — насупился парень.
— Ты переменишь его судьбу, если сам откажешься от убийства.
— Как это может переменить судьбу? — удивился Гриша.
— Своим отказом ты сломаешь предназначение. Род ваш за тяжкие преступления в каждом колене заклят на совершение убийства. Ты — старший из внуков своего деда. Очередь быть убийцей переходит к тебе. А тот, кто родится от Люськи, хоть и будет считаться сыном Сереги, в действительности будет твоим сыном и старшим правнуком твоего деда. Очередь на убийство перейдет к нему.
— Ничего похожего за нашей семьей я не замечал, — нахмурился Гриша. — У нас никто не сидел. Дед своей смертью помер.
— Ваши преступления судят не люди.
— То есть не люди их раскрывают?
— К несчастью для вас — да.
Колодин нагловато ухмыльнулся.
— Откуда ты все это знаешь?
— Я жертва твоего деда.
— Как это?
— Твой дед убил меня.
— А как же ты... — в изумлении начал было Гриша, но, вглядевшись в лицо собеседника, вдруг уловил в нем что-то непонятное, что завораживало взгляд и леденило душу холодом вечности.
— Ты... покойник?
— Да.
— А он? — Гриша кивком указал на Кобзева.
— И он тоже.
— А этот, как его, Матушкин? Он, случайно, не тот, кого зимой хлопнули?
— Он самый.
Гриша отчетливо представил себе, что сидит между двумя мертвяками, и ему стало не по себе.
— За что тебя дед? — хмуро спросил он.
— Из-за твоей бабки.
— Из-за этой старой гниды? — поразился Гриша.
— Гниды, говоришь? — Саенко вынул из внутреннего кармана пиджака фотографию, сперва сам на нее посмотрел, потом передал парню. — Похожа она на гниду?
На Гришу большими лучистыми глазами глянула девушка с краси-

вым спокойным лицом. Тяжелые косы сбегали у нее по груди. Живая и свежая сила исходила от ее облика. Казалось, что сила эта несет очищение всякому, кто в нем нуждается.

— Ух, ты! Ради такой бы и я... — вырвалось у парня.

— Что, тоже б убил? — остро глянул на него Саенко.

— Во времена деда, может, и убил бы. А сейчас зачем? Сейчас бабской красоты навалом, — подумав, рассудил Гриша.

— И такой навалом? — кивнул Саенко на снимок.

— Такой, наверное, поменьше. А что в ней особенного? Линяет, как и всякая другая. Куда, например, бабкина красота подевалась?

— Погляди в зеркало. У вас у всех ее лицо, только без света в глазах. Его она передать не сумела. И то двух сыновей от убийства остерегла. Если бы третий сдержался, проклятье с вашего рода уже бы сошло. А так все замкнулось теперь на тебе.

Гриша подергал плечами, будто пытался сбросить с себя груз обязательства.

— Обломиться и упасть, — проворчал он, уводя взгляд на футбольное поле. — Ну, и кого из наших она остерегла?

— Твой отец не убил.

— Где он сейчас?

— В монахи постригся. О спасении семейства молится.

Гриша сплюнул, сказал презрительно:

— Лучше бы дома сидел, мать бы хвостом не крутнула... А второй-то сдержавшийся, небось, дядя Леня? Этот вечно себя увечит — из больниц не вылазит. Ну, а не сдержался, понятное дело, Серега. Зато он и живет, как белый человек. А мне еще больше, чем ему, надо. Так что без заказа этого я не обойдусь, видать.

Резким движением Кобзев сорвал с себя фуражку и в волнении принялся вытирать ладонью взмокшие волосы. Гриша подозрительно на него покосился.

— Покойник, а так потеешь. Может, ты живой?

— Скажи, неужели нельзя жить честно? — вместо ответа спросил Кобзев.

— Праведники в наше время не требуются, — отрезал юнец.

— Тебя уже тянуло убить, не замечал? — поинтересовался Саенко.

— Случалось по обстановке. Но я себя во как держу! — Гриша выставил перед собой крепко зажатый кулак.

— Значит можешь сдержаться? — обрадовался Саенко.

— Само собой. Я же не псих, — пожал плечами Колодин и отвернулся.

И вдруг его осенило.

— Вон, оказывается, с чего папаша в монахи себя загнал, а дядя Леня увечится! Со мной такие штучки не пройдут. Судьба не судьба, рок не рок, а я и пальцем не пошевельну, пока бабки мне не заплатят.

— Сила у тебя есть и воля не из мочалы. Зачем оно тебе, это богатство? — сказал Саенко.

— Ну ты загнул! Для чего ж тогда жить? — изумился малый.

— Ты же воин, да еще какой! Твои отец и дядька спасали только себя. За тобой череда будущих поколений. Заслони их от душегубства, — со страстью убеждал Саенко.

— На фиг надо! Каждый сам за себя, — процедил Колодин.

Кобзева это возмутило. Он сорвался с места, сгреб в горсть расписанную тельняшку парня и зарычал:

— Дай мне свою жизнь! Дай мне свою жизнь! Я проживу ее достойно!

— Еще чего? — не растерялся Гриша. — Свою профукал, на мою заришься?

Саенко оттеснил Кобзева, сам захватил парня и, встряхивая его так, что у того испуганно выкатились глаза, стал внушать:

— Пусть зря мы явились! Пусть ты нас не услышишь! Но когда твои потомки начнут убивать друг друга, ты будешь знать точно, кто их не уберег. И эти "бабки", о которых ты сейчас беспокоишься, покажутся тебе такой бузой по сравнению с тем, что ты мог сделать и не сделал!

На этот раз Кобзев толкнул Саенко в бок, чтобы тот опомнился. Они взглянули друг на друга и виновато опустились на сидение, усадив и парня. Кобзев нервно вытирал взмокшие лоб и темя и даже обмахнулся платком. Саенко сидел, стыдливо опустив голову. Колодин дулся на обоих и глядел в сторону. И тут с наружной стороны стадиона к ним на трибуну перелетел Матушкин и, как вкопанный, встал перед троицей.

— Вот это да! — восхитился Гриша. — Вот бы мне так!

— Ты и без этого не слабак, — утешил его Матушкин.

— Но так прыгать! Я бы все мировые рекорды побил!

Матушкин протянул ему пустую сумку.

— Распродал? — изумился малый, заглядывая внутрь. На дне лежали другие сумки и сложенные пачками деньги.

— Ого, даже рассортировал, — похвалил он.

— Сочти, — предложил Матушкин.

— Пусть Люська считает. Она это занятие обожает. А тебе, как покойнику, я верю, — проговорил Гриша, перекладывая деньги в напоясную сумку.

— Знаешь уже, — невесело улыбнулся Матушкин.

— Сказали... А правда, что ты в жизни нехилый капитал сколотил?

— Мог бы и больше, если бы не помешали.

— Жаль, что меня в охрану не нанял. Я б за тебя постоял. В курсе, кому все досталось?

— Имею представление.

— Ты ж можешь все отобрать.

— Мир вещей меня больше не занимает.

— Тебе не нужно — другому нужно. Знаешь, как бы я твой капитал раскрутил?

— И тебя б не смутило, что на нем кровь?

— Так не из-за меня ж! Зато мне не пришлось бы пойти на заказ. Как вам такие условия?

— Таким путем тебе рок не одолеть, — покачал головой Саенко.

— Что ж мне, и не разбогатеть теперь? — обиделся Гриша.

— Да что ты все о деньгах? — не вытерпел Кобзев. — По-настоящему ценны только идеи. Тебе светит одна из них — спасти потомство. Разве это не окрыляет?

— Нет, ну ты выдерись из своего времени и повернись к моим заботам, — в досаде сказал ему Гриша. — Ради чего я должен страдать, когда у меня куча двоюродных братьев. Не я, так они кого-нибудь шлепнут. А мне тогда что? Как отцу, в монастырь? Куда еще твоя светлая идея может меня привести?

— Я уже говорил, что на этот раз все замкнуто на тебе: не убьешь ты — не убьет никто из твоей семьи, — сказал Саенко. — Сдержаться надо именно тебе.

— Да почему мне! — в сердцах выкрикнул Гриша.

— Ты последний в семье, кому понятно, что значит постоять за других, — проронил Саенко.

На Гришу его слова подействовали как удар. Он уставился на чубатого прозрачными синими глазами.

— А что, после меня это сделается непонятно?

— Откуда же будет понятно, если не было примера в предыдущем поколении?

— Что вы давите на меня? Я этого не терплю, — нахмурился Гриша. — Я должен сам решить.

— Конечно, — согласился Саенко. — Ты совершенно отчетливо должен представлять, что тебе самому будет стоить отказ от убийства. Рок откроет против тебя войну. Он будет изматывать, запугивать, искушать. Ты уже знаешь, что такое хотеть убить. Это желание начнет возрастать и превратится в наваждение. Всякий раз под рукой будут оказываться подходящие железные предметы. Вокруг тебя постоянно будут завариваться скандалы и драки, в которых тебе придется принимать участие. В конце концов начнется охота на тебя самого. Ты будешь попадать в такие положения, когда убийство будет казаться единственным выходом, единственной возможностью спастись. Даже и в этом случае не убивай.

— А моя жизнь? — воскликнул Гриша.

— Спасай ее другими средствами.

— Веселенькое будущее вы мне пророчите, — криво усмехнулся Гриша. — С какой стати я обязан делать по-вашему?

— Думаешь, по-другому будет лучше? — нахмурился Саенко. — Судь-

ба тебя побалует, пока не совершишь предназначенное. А потом она тебя швырнет в грязь — примется за следующего. Так было с прадедом и дедом, так будет с Серегой. И так будет с тобой, если поддашься року.

— Что ж мне по-вашему мучиться весь свой век? — угрюмо спросил Гриша.

— Когда одолеешь рок, почувствуешь, что он над тобой не хозяин, станет полегче, — сказал Саенко. — А как выйдешь из-под власти рока, станет полегче.

— А ты как думаешь? — повернулся Колодин к Матушкину.

— Я бы рискнул. У тебя шансы есть, — подмигнул Матушкин.

— А я бы сказал: "Даешь!" — воодушевленно встрял Кобзев.

— Ну уж ты-то конечно, — буркнул Гриша.

— А я, тезка, в нужный момент помогу, — пообещал Саенко.

— Да лучше б вы вовсе не появлялись! — выругался малый и начал потихоньку пятиться по ступенькам. Увидев, что они его не преследуют, повернулся к ним спиной и, стремглав, побежал вниз.

Спрыгнув на дорожку, он обернулся к трибунам. Трое пришельцев оставались стоять там, где он их покинул, но при этом странным образом словно бы приблизились к нему и были велики, как памятники.

"Свалились на мою голову!" — с досадой подумал он, торопливо завернул за трибуны и что есть духу припустил прочь.

— Убьет, потому как есть классовый враг, — сказал Кобзев.

— Убьет, потому что верит лишь в деньги, — сказал Матушкин.

— Не убьет, потому что имеет совесть, — сказал Саенко и добавил: Мы еще потрудимся, чтобы не убил.

— Но я хочу увидеть Кланю. Ради нее я сюда шел! — запротестовал Кобзев.

— А ты кого хочешь навестить? — спросил Саенко у Матушкина.

— Машину, — ответил тот.

— А родных или невесты у тебя разве нет? — удивился Саенко.

— К чему родных беспокоить? Они только отошли от моих похорон. Невесты у меня были во множественном числе. Всех не обойдешь, да и незачем. А машина у меня была что надо, и я ее любил.

— Машину, а не человека? — изумился Саенко.

— Можно было завести собаку, но я как-то не успел. А людей любить трудно и не за что, — отвечал Матушкин.

Кобзев похлопал белесыми ресницами и возразил:

— Не любить надо классовых врагов, а всех остальных надо любить.

— Как хотите, а этот мальчишка, мой тезка, мне нравится, — произнес Саенко. — И не забывайте, мы явились сюда спасателями, чтоб разорвать хотя бы одну кровавую цепочку. Сейчас мы сходим по личным делам: навестим Кланю, заглянем к Мане, посмотрим, Валера, твою машину. Дня еще много, мы всюду успеем.

После чего троица исчезла с трибун и появилась в одноэтажной улице возле калитки деревянного дома.

V. Старушка Кланя и ее правнучка

Дощатая калитка была по старинке снабжена металлическим кольцом. Сеня Кобзев надавил на него, и калитка распахнулась. Они увидели дом в резных венцах оконных наличников, с высоким крашеным крыльцом. Двор был тесно уставлен разными постройками. Здесь были и огуречная тепличка с откинутым для проветривания верхом, и беседка, увитая диким виноградом, и дровяной сарай, и корпус выходившего на улицу кирпичного гаража. Середку двора занимала легковая машина. Возле нее возился мужчина лет сорока. Он оглянулся на скрип калитки, увидел просунувшуюся в проем голову в белой фуражке и выжидательно на нее уставился.

— Клавдию Петровну... — Сеня запнулся, колеблясь, называть ли девичью фамилию Клани, и, решив не называть, докончил, — повидать можно?

— Отчего же нельзя, — приветливо отозвался мужчина и прокричал в глубь двора:

— Ба-а, к тебе пришли!

Из-за живой виноградной стены появилась маленькая, сухонькая старушка в темном сарафане, белой блузке с короткими пузырящимися рукавами и в белом платке, концы которого она не завязала, а придерживала рукой под подбородком.

Обойдя машину, старушка засеменила к калитке. Сеня отступил, выманивая ее на улицу.

Остановившись в проеме и щурясь от бьющего в глаза солнца, старая женщина разглядела гостя — и ойкнула, отняв руку от подбородка. Концы платка свесились, открыв маленькое сморщенное личико. Оно светилось выражением стыдящейся доброты и нескончаемого прощенья. Кобзев стащил с себя фуражку и в смущении вытер ладонью взмокшие волосы.

— Ты за мной, Сеня? Я давно к тебе собираюсь, да жизнь все не отпускает, — заволновалась старушка.

— Ну что ты, Кланя, живи! Я только повидать заглянул — очень по тебе соскучился, — еще больше смутился Кобзев.

Оба смотрели друг на друга нежно и трогательно, будто вчера только расстались и будто не была она семидесятивосьмилетней старухой, а он убитым шестьдесят лет назад женихом. Казалось, что он видел ее тою молоденькой тихой девушкой с убористым личиком и пышными золотыми волосами. Она догадалась об этом и по-девичьи зарделась. Спутников Кобзева она просто не замечала.

— Ни одного дня, Сеня, ни одного часика я без памяти о тебе не

жила, — сказала старушка. — Но от судьбы я, Сеня, не отказалась. Замуж пошла и детей нарожала. Сейчас со внуком живу и с его семьей.

— Правильно, Кланя, сделала, — одобрил Кобзев.

— Как же так, Сеня? Я ведь счастливой была!

— Это, Кланя, тебе награда за то, что мертвых не позабыла, живых не обидела и добрых людей на свет народила.

— Я и в счастье, Сеня, жалела, что не с тобою гнездо свила.

— Ничего, Кланя, мы еще будем вместе.

Старушка подхватила рукою концы платка, подперла подбородок и озадачилась:

— Как же, Сеня, нам вместе быть? Ты молодой, а я старая. Станешь ли ты любить меня?

— Ну что ты, Кланя, за это не беспокойся. Забыла, что душа не старится?

— И правда ведь! — подивилась своей несообразительности старушка.

На улицу выглянул тот самый мужик — видимо, Кланин внук, позвал гостей во двор под навес. Никто на его приглашение не ответил. Бабка стояла в задумчивой отрешенности. Белобрысый парень в фуражке смотрел на нее благоговейно, как на святую. Двое ребят в сторонке невозмутимо помалкивали. Кланин внук почувствовал себя неловко.

— Вы уж бабушку не обидьте, она у нас хорошая, — невесть для чего предупредил он и скрылся, затворив за собою калитку.

Кланю в этот момент уносило назад, мимо той жизни, которой она день за днем, долгие годы жила после ухода Сени, и опасно приближало к молодому и сильному чувству. Это чувство когда-то было легким и крылатым, а теперь его не могло удержать ее старое усохшее тело. "... бабушку не обидьте", — донеслись до нее слова внука. "А что ж я-то его обижаю?" — спохватилась она, заподозрив, что в молодом чувстве для родных не останется места.

Старая Кланя закрыла лицо руками и горестно замотала головой.

— Я не готова, Сеня, быть с тобой вместе. И теперь уж, видать, никогда не буду готова. Как я забуду Колю? Его я тоже любила! Не так горячо, как тебя, я благодарно его любила! А мои дети, мои внуки и правнуки? Я не смогу их покинуть душой. Нет, Сеня, даже там нам не соединиться так, как могли бы мы соединиться при жизни.

— Что ты говоришь, Кланя? Что ты говоришь? — побледнел Кобзев. — Я так ждал, я так на это надеялся!

— Я не отказываюсь от тебя, Сеня. Но я не отказываюсь и от них, — робко возразила Кланя.

Со стороны улицы к дому подошла молоденькая девушка лет шестнадцати, с пышной косой медового цвета, убористым личиком, светлыми глазами, золотистыми бровями и ресницами. Она вежливо поздоровалась с чужими людьми, задержав взгляд на парне в белой фу-

ражке, постояла возле бабушки, дожидаясь ее внимания, и, не дождавшись его, нехотя повернулась и скрылась за калиткой.

— Кланя, а ведь это ты прошла! — зачарованно проговорил Кобзев.

— Это моя правнучка Любаня, — улыбнулась старушка.

— Она совсем такая, как ты была! — восхитился Кобзев.

— Может и лучше будет, — похвалилась Кланя и тут же забеспокоилась. — Не обидь ее, Сеня, она у меня хорошая!

— Разве я тебя, Кланя, чем-нибудь обижал?

Старушка виновато пояснила:

— Мы с тобой, Сеня, ровнею были.

— А теперь ты мне, Кланя, не доверяешь? — огорчился Кобзев.

— Ну что ты, Сеня, я только внучку уберечь. Она у меня добрая, доверчивая. Кабы лихой человек не обидел.

— Не бойся, Кланя, такую чистоту природа сама оберегает.

В это время девушка выглянула из калитки и, смущаясь, сказала:

— Папа всех зовет чай пить.

Бабушка, пребывавшая в задумчивости, не ответила ей. Парень в белой фуражке улыбнулся и так поглядел, что сердце ее затрепетало.

— Спасибо за приглашение, — отозвался он. — Не пьем мы чаю.

— Ну, квасу тогда, у нас и квас есть, — потупилась девушка.

— И квасу не нужно, а нужно, голубушка, слово такое, чтобы к жизни вернуло.

— Я скажу, — загорелась Любаня. — Вы назовите, какое?

— Самое лучшее слово в твоем имени, хотя и оно всех преград не ломает. Скажи лучше, как живешь, чем занимаешься?

— Хорошо живу, учусь в техникуме, на втором курсе, — простодушно ответила Любаня.

— В техникуме! — восхитился Кобзев. — Это было моей мечтой. А в жизни я не успел и школу рабочей молодежи окончить.

— У нас в строительном интересно учиться. Ребята есть и девчонок много.

— Строительный — так это тот самый, в который я хотел, — сказал Кобзев. — Рад, что ты в нем учишься. Успехов тебе и счастья. А нам пора уходить. — Он повернулся к ее прабабушке. — Прости, Кланя, что слишком многого от тебя потребовал.

— Вы уходите? Вы совсем уходите? — подалась вдруг к Семену девушка. Других парней она не замечала. — Назовите мое имя. Произнесите его вслух. Меня зовут Люба, Любаня, Любовь.

— Спасибо, Любаня, — сказал Кобзев. И тут его пошатнуло — так, что он упал бы, если бы его не подхватили приятели.

— Сеня! — закричала старушка. — Сеня!

Но парни уже уводили его по улице. Шли они быстро и вскоре скрылись из виду.

Внучка обняла бабушку — у той уже ноги подкашивались.

— Кто это был, бабушка? Кто? Мне кажется, я его знаю. Будто он... будто однокурсник мой.

— Ну, как же, ты под его портретом выросла.

— Твой убитый жених? Но почему, бабушка, я тоже его люблю?

— Потому, девонька, что такие человеки нам на роду писаны, но судьба нам их не дает...

Саенко и Матушкин опустили бесчувственного приятеля на скамейку у троллейбусной остановки. Хорошо еще, что народу там не было: район малолюдный, и троллейбус недавно ушел. Кобзев лежал белый, как его фуражка.

— Как бы не помер, — покачал головой Саенко.

— Только этого не хватало, — фыркнул Матушкин. — Мертвец в квадрате...

— Ладно зубоскалить-то. — Ты заметил, с ним все время что-то творится: то он краснеет, то его в пот бросает. Теперь вот сознание потерял.

— Плохо материализацию переносит, — предположил Матушкин.

— Нет, тут что-то не то, — засомневался Саенко. Он потряс бесчувственного Кобзева, похлопал его по щекам. Тот не приходил в себя. Тогда Саенко снял с него фуражку, передал Матушкину и наказал тому сходить за водой.

Матушкин сбегал к ближайшей колонке, в два шага обернулся, сбрызнули Кобзева. Тот вздрогнул и открыл глаза. Для верности Саенко еще и еще раз его сбрызнул. Кобзев поморщился, заслонился рукой.

— Ну что, воскрес? — спросил его Гриша.

— Разве я помирал? — удивился, вставая, Кобзев.

— А то нет? Водою отваживали. С чего тебя так шибануло? — поинтересовался Саенко.

— Жить отчаянно захотелось, — жалко улыбнулся Кобзев.

— Из-за Любани, наверно.

— Из-за Любани тоже, — кивнул Кобзев.

— Идти надо, — поторопил Саенко. — Сам пойдешь или тебя вести?

— Сам пойду, — сказал Кобзев.

И они пошли, так стремительно прочиркивая кварталы, что прохожие не успевали их заметить.

VI. У Мани

Колодины жили в центре, в кирпичном трехэтажном доме, покрытом розовой штукатуркой. Глубокий подъезд с остатками кафельного пола, первый этаж, квартира в углу. На звонок дверь открыла женщина лет шестидесяти, с лицом погасшего и забывшего о себе человека. При виде ее Гриша Саенко по-солдатски выпрямился, расправил грудь, озорно улыбнулся и браво отчеканил:

— Маня, заплетай косы — к тебе жалуют гости.

Узнав его, женщина затрепетала.

— Какие гости, Гриша?

И действительно, ее коротко остриженные волосы ни о каких косах не напоминали.

— Твои замечательные косы, Маня, по обеим сторонам груди и до самого пояса.

— Их давно уже нет. И ничего больше нет, — говорила женщина.

— Ты, Маня, есть. Ты никуда не делась. Ты стоишь передо мною, — не сбавлял бравого тона Саенко.

— И меня нет... той, что прежде.

— И ты никогда не ощущаешь, как косы отягчают тебе затылок, как они струятся по твоей груди и какими мягкими кисточками заканчиваются? Тебе не хочется пощекотать этими кисточками чье-то лицо? — взволнованно спросил Саенко.

Женщина вдруг рассердилась.

— Нет, такое не приходит даже во сне. Тебе повезло, что ушел молодым, а то б спился уже, как твой распрекрасный дружок Вадик. Какая разница, кому отдавать свою молодость, — все кончается одинаково!

— Как знать, Маня, как знать. Погоди, у меня есть твоя карточка, — Саенко полез во внутренний карман пиджака, вынул оттуда фотографию величавой красавицы с густою волной волос, зачесанных назад и, должно быть, собранных на затылке в тяжелый пук.

Женщина взглянула на изображение и расплакалась.

— Возьми, Маня, карточку себе и глядись для уверенности, — предложил Саенко.

— Какой толк? Все равно я такой больше не буду, — всхлипнула женщина.

— Помни о косах, Маня, и ты их почувствуешь, — сказал бывший жених.

Женщина смахнула слезы и посторонилась.

— Входите, гостями будете, а то гостей у меня не бывает.

Пришельцы гуськом прошли мимо нее в прихожую, из прихожей свернули в залу. Женщина, боязливо ежась, вошла следом за ними.

Комната была квадратной, высокой, с двумя окнами, зарешеченными и задернутыми матовыми шторами. Повсюду до самого верху громоздились картонные коробки, тюки и свертки, так что в комнате было не повернуться.

— Лучше в мою комнату пройти, — предложила женщина.

— А в твоей, Маня, разве не тесно? — спросил Саенко.

— Там бы я вас хоть на кровать посадила.

— И тут сидений сколько угодно, — Саенко показал на тюки.

— Сын с невесткой торгуют, товар дома держат, — стыдливо объяснила женщина.

— Не стесняйся, Маня, мы все здесь свои, — подбодрил ее Саенко.

Женщина со страхом посмотрела на него.

— Гриша, ты как ко мне: по-хорошему или... по-плохому? —запинаясь спросила она.

— Я, как и прежде, Маня, с любовью.

— Не заслуживаю я больше твоей любви, — горько обронила Маня.

— Ты снова забыла о косах, — напомнил ей гость.

— Трудно мне в такой жизни о них помнить, — с тоской сказала она.

Тут дверь залы отворилась и двое мужчин осторожно внесли тяжелую картонную коробку. Встретив в комнате кучу народу, один из них сердито зыркнул на незнакомцев прозрачными ярко-синими глазами, но от замечания воздержался, так как груз в руках требовал пристального его внимания. Определив ему место среди других тюков, прозрачноглазый отпустил напарника и зло повернулся к матери:

— Бабка, мать твою, ты кого это навела? — гаркнул он.

Маня испуганно сжалась.

— Помни о косах, Маня, — тихо сказал Саенко.

Она распрямилась, пристально глянула на сына потерявшими яркость глазами и мягко укорила:

— Я тебе мать, сынок, а не бабка.

Услыхав возражение, Серега сердито нахмурился и подозрительно покосился на чужаков, пытаясь определить, с чего это мать в их присутствии так осмелела. Ничего особенного внешне они собой не представляли, так себе, сброд. Однако то, что мать у них под защитой, он сообразил.

— Люська! Где ты там есть? — крикнул он в дверь и с насмешкою посмотрел на защиту. Его широкое, твердо вылепленное лицо не смягчилось даже при усмешке.

Люська просунула в дверь белую кудлатую голову и недовольно проверещала:

— Я на кухне людей угощаю.

— Почему у тебя полон дом народу? — рявкнул муж.

— Какой народ? Какой народ? — округлила глаза Люська. — Мой народ на кухне, а этих знать не знаю.

— Почему не доглядела? — гремел муж.

Люська втиснулась в комнату, обежала глазами все, что было в ней нового, включая коробку, и в первую очередь полюбопытствовала о ней.

— Что у тебя там?

— Китайская посуда, — сквозь зубы процедил муж.

— О, завтра поторгуем, — возликовала Люська и в приливе чувств подступила к свекрови:

— Что же ты, старая, без спросу впускаешь? Меня перед мужем подводишь.

— Это мои гости, — ответила Маня.

Невестку ее слова как хлыстом полоснули.

— Какие гости? Твои гости на дворе и не дальше!

— Поуважительней, молодушка, со свекровью, — осадил бабенку Саенко.

— С чего уважительней? На чьей она шее сидит? — вскинулась Люська.

— А вы в чьем доме живете? — спросил Саенко.

— Квартира на нас приватизирована! — торжественно оповестила Люська.

— Что нужно взяли, а достоинство растоптали, — заметил Саенко.

— Какое достоинство? Одна пенсия... — презрительно скривила губы молодка, но, сообразив, что объясняется с чужими людьми, которым незачем знать о ее семейных делах, угрожающе вскипела. — А вы кто такие? Зачем пришли? Сматывайтесь отсюда!

— Полегче, голубушка, мы тут по делу, — остановил ее Саенко. Кобзев в это время плавал в мечтах. Матушкин смотрел на кричащую бабу, как на пустое место. Маня думать забыла о косах и впала в давно привычное для себя подавленное состояние.

— Они говорят, что по делу, — сообщила Люська мужу, который перед тем вышел и сейчас вместе с помощником втащил в комнату вторую коробку.

— Разбирайся сама, я пока занят, — отмахнулся он, выходя.

— Какое дело? — опять повернулась к ним Люська.

Саенко не удостоил ее ответом. Его приятели и вовсе молчали. Люська нахмурилась, нервничая из-за того, что на кухне без нее гуляют нужные люди, а она тут от бабкиных гостей товар охраняет. Ее тугое и гладкое, с жадными глазами и уклончивым взглядом лицо налилось злостью, и она в раздражении крикнула:

— Ну, кто вы такие, говорите? Старая, кто они?

— Ты не знаешь, как обращаться к свекрови? — спросил парень в кепке. И произнес это так, что молодую женщину вдруг бросило в дрожь.

— М... ма... Мама, кого ты впустила? — сбивчиво пролепетала она.

— Да, кого ты впустила? — подхватил Серега, появляясь в комнате без груза и без помощника.

— Это мой бывший жених, — опустив глаза, сказала Маня.

— Жених? Посмотрись в зеркало, — презрительно хмыкнул сын.

Люська, забыв про испуг, с любопытством зашныряла глазками.

— Я в самом деле был женихом Марии Егоровны, пока твой отец меня не убил, — подтвердил чубатый парень.

Серега, раскрыв рот, внимательно на него посмотрел. Поймав острый интерес на лице жены, грубо скомандовал:

— Кто там у тебя на кухне — всех на улицу! Сюда не соваться. Я сам тут разберусь...

Спровадив жену и затворив за ней дверь, он оглянулся и увидел, что самый длинный из незнакомцев, разметав тюки, подобрался к шкафу и роется в нижнем отсеке.

— Чего тебе там нужно? — рыкнул хозяин.

Незнакомец продолжал рыться и, наконец, извлек на свет какую-то увесистую железяку.

— Вот она! Я-то думаю, что это меня так беспокоит? А это моя кровь меня окликает!

Выбравшись из тюков на середину комнаты, Матушкин, сощурившись, спросил:

— Для чего бережешь? На память? Или для другого раза?

Серега опасливо переводил взгляд с высокого на его приятелей, соображая, кем все они могут быть на самом деле.

— Твое какое дело? — На всякий случай огрызнулся он. — Лежит железка и лежит, чего ты к ней прицепился?

— Это не просто железка: это монтировка, а на ней моя кровь.

— Где кровь? — рванулся Серега.

— Отойди, а то не сдержусь, — тихо и страшно предупредил высокий.

Серега хоть и струхнул, но все еще хорохорился.

— Ты что, даже не взглянул на того, кого порешил? — спросил высокий.

— Чего на него глядеть? — буркнул Колодин и, поняв, что проговорился, затравленно рыскнул вокруг взглядом.

Трое пришельцев взирали на него с иконной вечностью на ликах.

— Думал — убьешь не глядя, так и кары избежишь? А я все равно пришел. На вот — смотри! — вымолвил высокий.

— Не видел — не верю! — отчаянно открещивался Колодин. И, чтобы отвести от себя разговор, повернулся к парню в белой фуражке:

— Ну, а тебя что, тоже кто-то пришил?

— Да, твой дед, — ответил за того чубатый в кепке.

Кобзева как током ударило. Он порывисто обернулся к Саенко, пытая его взглядом.

— Да, Сеня, — кивнул тот. — Эта семейка нас всех положила.

— Вона что! Так вы покойники? — сообразил Серега и, попятившись, сел на коробку. — Я-то полагал, что я сам по себе, а оно, видишь как, по породе идет, — рассуждал он, сидя верхом. — Ну и чем же мои родственнички убивали?

— Так же, как и ты, железякой сзади, — сказал Саенко.

— То-то я смотрю, рука у меня набитая. Тюкнул раз — и нету. Я же не мучил тебя, верно? — обернулся Колодин к Матушкину.

Потом, увидев помертвевшее лицо Мани, криво усмехнулся. —Что, мать, глядишь? — Сама с убийцей жила и убийц народила.

— Твои братья не убивали, — холодно заметил Саенко.

— Выходит, я их прикрыл, — удовлетворенно изрек Колодин.

— И подставил потомков, — сказал Саенко.

— Это, конечно, нехорошо, — пожал плечами Колодин, — но я ведь не знал. Надо было раньше предупредить.

— Мы и сейчас не к тебе. Я вот зашел Марью Егоровну навестить, — проговорил Саенко.

— Ты что, ей простил? Она же с убийцей тебе изменила, — без жалости к матери сказал Колодин.

Маня униженно и виновато опустила голову.

— Есть мера вины и мера раскаянья, — внушительно произнес Саенко. — То и другое твоя мать исчерпала до дна. А вот ты ни о том, ни о другом понятия не имеешь. Рядом убитый тобой человек, а ты даже угрызений совести не испытываешь.

— Совесть пусть грызет того, кто меня нанимал, — заявил Колодин. — Может, он думает, что переложил вину на меня, но я так не считаю. — Если ты — это ты, — обратился он к Матушкину, — то скажи, кого из нас винишь?

Тут он заметил, что высокий его монтировку согнул, скрутил и смял в комок, будто она была из пластилина, а не из железа.

— Ого! — удивился Серега и задумался. — Что мне сделать, чтоб ты меня простил?

— Повиниться и раскаяться, — опередил с ответом Матушкина Саенко. — И желательно успеть при жизни.

— Я сейчас это сделаю! — вскричал Серега и упал перед Матушкиным на колени.

Тотчас же дверь распахнулась, в комнату влетела Люська и бухнулась на колени рядом с мужем.

— Спасите детей! Спасите моих детей! — завопила она.

— Подслушивала? — налился краской Серега, с досадой поднялся с колен и рявкнул:

— Найди пацанов и приведи их сюда!

Когда жена вышла, он спросил у Саенко:

— Как я должен каяться и сколько?

— У матери спроси, если самого совесть не прошибла, — хмуро сказал тот.

Серега подошел к матери и опустил перед ней голову.

— Прости, мам. Во мне отцова кровь, она не дает покоя. Видишь, каких дел натворил? Поплачь за меня, мам.

Маня обхватила руками окаянную голову младшего сына, прижала к груди и заплакала.

— Мам, а ведь Гришкина теперь очередь! — внезапно дернулся он. — Они из-за Гришки пришли!

Серега отстранился от матери и с ненавистью посмотрел на нее.

— Из-за твоего Гришки!

Маня охнула и без сил сползла на колени.

— Спасите Гришу! — простонала она.

— А вот тут ты, мать, просчиталась, и они вместе с тобою. Гришку вам ни за что не удержать. Он спит и видит, как бы разбогатеть, — злорадствовал Серега.

— Сережа, убереги Гришу! — Маня сквозь слезы умоляюще глядела на сына. — Пусть это кончится на тебе!

— А почему на мне, если оно по всему роду идет? Пусть пройдет и по твоему Гришеньке! — жестко сказал Серега.

— Но ведь... и по твоим детям пройдет! — с ужасом проговорила Маня.

— Мои дети не с луны свалились — они тоже Колодины, — мрачно усмехнулся Серега.

В это время Люська ввела в комнату двух мальчиков шести и девяти лет. Они были белоголовые, в обоих родителей, с жесткими Серегиными чертами и Люськиным уклончивым и жадным выражением. На пришельцев они смотрели с нагловатой беспечностью, щуря серые, с материным разрезом глаза. Было понятно, что Люськин подмес в колодинской породе устойчивости перед соблазном не обещает.

Материнским чутьем Люська угадала, что ее сыновья не прошли смотра: чего-то в них не достало, чтобы вызвать к себе сочувствие.

— Мам, попроси за них! — кинулась она к свекрови. — Это же твои внуки! Прости, что обижала, я отплачу, я замолю, я всю жизнь виновата перед тобой прохожу, только спаси детей — этих и того, кто должен родиться!

— Того можно и не рожать, — вставил Серега.

— Я сама знаю, рожать или не рожать, — огрызнулась Люська и снова воззвала к свекрови. — Мам, попроси!

Маня плакала и качала головой.

— За Гришку просила, а за моих не хочешь? — упрекнул Серега.

Маня, вытирая ладонью слезы, порывалась что-то сказать, но у нее не получалось. Мальчики удивленно таращились на кутерьму вокруг них, не понимая, от чего их надо спасать, и почему унижаемая всеми бабка вдруг стала главной в семье, и зачем тут незнакомые люди.

Маня, наконец, перестала плакать. Ни на кого не глядя, выговорила:

— Не меня, Гришу надо просить. Он один может спасти семью.

— Ваша мать права, — подтвердил Саенко. — Все зависит от Гриши.

— С Гришкой я управлюсь, — уверенно заявила Люська, оправляясь от унижения перед свекровью.

— Ты так думаешь? — ухмыльнулся Серега.

— А у меня есть против него средство!

— Плевать он хотел на все твои средства, кроме денежных. А я денег не дам, — постановил Серега.

Люська, отряхивавшая юбку, вдруг настороженно застыла.

— А почему, собственно, все зависит от Гришки? — поинтересовалась она.

— Потому что его очередь... — начал было Серега, но, глянув на детей, крикнул им. — А ну, кыш отсюда! — И когда они выскочили, докончил: — ... его очередь... ну, это самое... убивать.

— Ну и пусть убивает, наше какое дело, — дернула плечом Люська.

— Да ты только что на коленях просила! — поразилась ее вероломству Маня.

— Я за кого просила? Я за своих детей просила! Племянники не моя забота.

— Женщина, о всех ли своих детях ты побеспокоилась? — вступил в разговор Саенко.

Люська вспыхнула, догадавшись, о чем он. Опасливо зыркнула исподлобья — не собираются ли ее разоблачить перед мужем — и, уверившись, что нет, полюбопытствовала:

— Если вам все известно, не скажете, кто родится — девочка или мальчик?

— Тут и гадать нечего — мальчик, конечно. Пока ваш род под проклятием, будут рождаться только мальчики. И если никто из вас не встанет против рока и не освободит от него семью, род истребится по взаимной вражде. Начнут междоусобье твои дети, женщина, — чубатый указал на Люську.

— Может, мне не рожать? — осела та в испуге.

— А я тебе что говорю? — напомнил Серега.

— Нет, рожу! — тряхнула головой Люська. — Пойду к Гришке и все скажу, он должен защитить маленького.

— Почему он, а не я? — Серега поднял брови.

— Ты же сам сказал, что его черед! — нашлась Люська.

— В таком случае я пойду и скажу, — буркнул уязвленный Серега.

— Гришенька! Любимый! — закричала вдруг Маня в отчаяньи и бухнулась на колени перед убитым женихом. — Сохрани мне внука, Григорий! Он сделает для семьи все, что надо, только защити его самого!

— Только Гришку и любишь, — обиделся сын.

— Он чист, он безвинен, он лучший из всех! Сбереги его для жизни, Григорий!

— Чист, безвинен — видали мы это! — фыркнула Люська, задетая за живое и потому вновь переметнувшаяся на сторону мужа. — Не благодаря ли нам с Серегой он чист? Полностью его содержим. Не мы б, так давно по тюрьмам бы пошел.

— Не хвали себя, женщина, — осадил ее чубатый. — Доброй без корысти ты не бываешь. — А Мане сказал: — На тяжелое бремя ты, любовь, меня обрекла — кровь врага признать за свою. И внуку жизнь

раздвоила. Дух в нем всегда будет враждовать с плотью. Если он откажется от убийства, я ему помогу. Если нет — разделит судьбу всех Колодиных.

Пребывавший до сих пор в задумчивости Кобзев вдруг поднял голову и с тоской произнес:

— Почему, вы люди, не живете по-хорошему? Ведь вы можете созидать!

Матушкин очень внимательно на него посмотрел и вслух посочувствовал:

— Нет, Сеня, это время не для тебя. "Наш паровоз" тут уже забыли.

— Я бы напомнил...

— Кому?

— Этим бы — нет, но я, думаю, есть и другие.

— А то вы насозидали, — обозлился Серега. — Без штанов нас оставили со своими идеями. Вернуться захотели? Без вас тут тесно! Да и тебе, — он повернулся к Матушкину, — ни к чему возвращаться! Ничего твоего уже нет. Твое еще при твоей жизни переделили. Один твой родственничек уж так надсаживался: машину, мол, мне не запачкайте! Ну, я и не запачкал. Слупил с него, понятное дело, за это. Твоим капиталом со мной рассчитались.

С чего и я "созидать" начал. Других возможностей у меня не было. Знаю, что моей душе не взлететь, так внизу и завязнет. Потому я тут должен пожить как можно лучше...

Серега помолчал. Поглядев на обеих женщин, продолжил:

— Люська, я знаю, ты во всем со мной будешь. А ты, мать, помалкивай, раз Колодиным меня родила. Гришке я денег дам, пусть в мокрое дело не лезет. Детям тоже лучше вырасти честными. Капиталом я их обеспечу.

— Не беспокойтесь, Гришку мы наставим, как шелковый будет, — радостно затараторила гостям Люська. И, растрогавшись речью мужа, полезла к тому целоваться.

— Капиталы-то правда обещаешь, миленький? — ворковала она.

— Пусти, стерва, посторонние тут, — вырывался Серега.

Люська не отпускала, крепче в него вцепляясь.

— Что нам мертвяков стесняться, мы-то с тобой живые!

VII. Машина Матушкина

Матушкин привел приятелей в кирпичный лабиринт гаражей. Кобзев и Саенко следовали за ним в мрачном настроении. Теперь Матушкину предстояло испить свою чашу горечи от встречи с тем, что было для него самым дорогим при жизни.

Попетляв в глухих закоулках, Матушкин подошел к своему бывшему гаражу. Ключ доставать не пришлось, так как дверь была приоткрыта.

Роскошная красавица-иномарка стояла на месте. Возле нее возился зять Матушкина Павел — сухой, чернявый тридцатилетний мужик. У него был покатый лоб, лицо вытянутое, с выражением какого-то безразличия ко всему.

— Что, не слушается мустанг? А у меня она безотказно бегала, — удовлетворенно заметил Матушкин.

Зять оторвался от работы, хмуро взглянул на вошедших, узнал среди них убитого шурина и, казалось, не удивился.

— У меня тоже побежит, — проворчал он.

— Дай посмотрю, что с ней, — предложил Матушкин.

— Сам посмотрю, — буркнул зять и со злостью ругнулся. —Чего тебе не лежится, где закопали?

— А я, может, по машине соскучился, — вызывающе улыбнулся Матушкин.

— Поздно скучать, она уже не твоя.

— Твоя, что ли?

— По доверенности, — осклабился зять. — Официально на твою сестру записана.

— Не зря, значит, меня подставлял, — заметил Матушкин.

— Кто докажет? — ухмыльнулся зять. — Я в тот вечер из дому не выходил.

— И тебе до фонаря, что я все знаю?

— Знай себе, все равно ты теперь покойник.

— Не боишься, что, как покойник, за себя отомщу?

— Не стращай, не пугливый, — нагло заявил зять.

— И совесть не грызет?

— Дырка сыру не помеха, — не смутился тот.

Матушкину не верилось, что когда-то зять ему нравился. Они породственному ладили. Помогая сестре, Матушкин кое-что делал отдельно для зятя.

— Почему ты меня предал? Разве мало тебе от меня перепадало? — спросил он.

— Ха, перепадало. На подачках только и держал.

— Теперь-то на чем держишься?

— Пока хватает того, что от тебя осталось.

— А потом?

— Видно будет.

— От меня живого для тебя больше бы проку было. Я все-таки дело вел — что ж ты-то его не подхватил?

— Ага. Так твой компаньон меня и подпустил.

— И тебя, значит, надул?

— Такая вот оказалась сволочь!

— А ты не знал? На убийство пошел — и не знал?.. Ладно, отойди. Я хочу поздороваться со своею машиной.

Зять заступил ему дорогу.

— Здоровайся на расстоянии, — проговорил он. — Живой ты или покойный — а машина теперь моя.

— Буду я тебя спрашивать! — Матушкин хотел уже смахнуть зятя с пути, но тут вмешался Саенко.

— Твой родственник прав: вещь — она не сама по себе. Она всегда кому-то принадлежит. И только живые решают, кому.

— Это моя машина, была и есть. Его она не слушает, а меня ждет, — сказал Матушкин.

— Живые люди забывают, а бездушный механизм, думаешь, помнит? — усомнился Саенко.

— Сейчас проверим, — сказал Матушкин. Прошел мимо зятя и легонько коснулся машины. Как норовистый конь, она под хозяйской рукой задрожала. Пошли мигать фары, вспыхивать и гаснуть подвески. Радостно урча, завелся мотор.

— Приветствует! — изумился зять.

— А как же! В ней частица моей души, — с радостью в голосе проговорил Матушкин. — Но когда я был живой, она так не салютовала, конечно. Она просто служила.

— А у меня она ни разу не зафурычила. Вроде бы все в порядке, а не заводится. Может, ты чего в нее подложил? — растерянно пробормотал зять.

— Любовь я в нее вложил и больше ничего. Она и мертвого меня узнает, — сказал Матушкин.

Зять с завистью глядел, как шурин ходит вокруг машины, похлопывает ее, поглаживает, и та преданно отзывается на его ласку.

— Хочешь, прокатись, — вдруг смягчился зять, возвращаясь к прежнему дружелюбному тону.

— А-а, и тебя проняло! — улыбнулся Матушкин. На лице его цвело нежное и трогательное выражение.

— Только машину верни, — опасливо спохватился зять.

— Это обязательно, — заверил зять и обернулся к дружкам. — Садитесь, прокатимся.

У Сени Кобзева глаза вспыхнули мальчишеским любопытством. Гриша Саенко заулыбался, согласно кивнул.

— Хочешь с нами? — позвал Матушкин зятя.

— Нет, — содрогнулся тот и занервничал. — Машину сберегите!

Матушкин лишь презрительно усмехнулся.

Он снова прошелся вокруг машины, проверяя, все ли в ней в порядке. Потом — открыл дверцу и кивнул друзьям, приглашая их, но тут у входа в гараж заскрипел гравий. Вошел молодой франт в цепях и коже,

с бледным, желтоватым лицом и вздыбленными гребнем соломенными волосами. За ним маячили двое угрюмого вида парней.

— Паша, привет! — выкрикнул франт в коже. — Механика для твоей тачки привел, не возражаешь?

Застав в помещении, явно неожиданно для себя, большую компанию, франт напрягся, но развязно-повелительного тона не отбросил:

— Кто это у тебя тут?

Зять, не испугавшийся гостей с того света, при виде живых людей побелел, как мел.

— Родственник, — выдавил из себя он, икнув на конце слова, отчего всем послышалось, что он сказал "родственники".

— Родственники? — возвысил франт голос и шагнул вперед. Один из парней встал у двери.

Франт попетлял вокруг каждого из стоящих, кроме Павла, которого знал, заглядывая им в лица. Второй парень встал так, чтобы держать под наблюдением сразу всех.

— Нездешние какие-то родственники, — прищурился франт. — Из деревни, что ли?

— Издалека, — согласился Павел.

— Не вовремя родственнички пожаловали.

— Для родственников, знаешь, всегда время, — криво усмехнулся Павел.

Успокоившись, франт повернулся к машине.

— О-о, она в самом деле класс! — восхитился он. — Слышал, что она даром тебе досталась. Нехорошо, когда такая вещь и даром, ценить не будешь.

Франт внимательно поглядел на Павла и вкрадчиво спросил:

— Скажи нам, Паша, кто ты такой?

— Научный сотрудник, — вяло отозвался тот.

— Бывший научный сотрудник! А сегодня торговая мелюзга, гольян в теплой канавке. Разве это тачка для тебя?.. Ну-ка взгляни, отчего она не заводится, — приказал франт помощнику. Тот деловито полез в машину.

Аккуратист Саенко в это время заметил у себя на штанах пушинку. Наклонившись, он стряхнул ее ладонью с брючины. Франт тут же оглянулся:

— Стойте не двигаясь, родственнички, вам же спокойнее будет.

Саенко в ответ весело подмигнул. Франта это удивило.

— Эй, кореш, нечего хозяйничать в моей машине! — не выдержал Матушкин.

Механик ухом не повел: что делал, то и продолжал делать. Зато франт среагировал моментально.

— В твоей машине?

— В моей.

— О, Паш, у тебя соискатель объявился!

— Давай познакомимся, — протянул Матушкин руку франту.

Механик мячиком выкатился из машины и встал между ними.

— Убери руку! — прорычал он.

— Если не хочешь, чтобы я с ним познакомился, давай познакомимся с тобой, — предложил Матушкин и, не дожидаясь согласия, сгреб своей рукой руку механика.

— Валера Матушкин, — представился он.

— Покойник? — вскрикнул франт.

— Он самый.

Франт онемел. Механик с зажатой, словно в тиски, кистью, был ни жив ни мертв. На угрюмом лице парня у двери обозначилось беспокойство.

Франт заставил себя опомниться.

— У вас разборки? — спросил он. — Отпусти ему руку, и мы уйдем. Нас ваши дела не касаются.

— А зачем приходили?

— На тачку взглянуть.

— Разве только взглянуть? — свободной рукой Матушкин вынул из-под брючного ремня механика пистолет и отпустил парню руку. Тот принялся ее растирать.

— Давай свое, — приказал Матушкин франту.

— Я чист, — франт вывернул наружу карманы кожаной безрукавки, придерживая их кончиками пальцев, как балерина пачку.

— Доставай или выну сам, — настаивал Матушкин.

Парень у двери попытался незаметно выскользнуть наружу. Сеня Кобзев его остановил и выдернул автомат.

Увидев, что охрана безоружна, франт, жеманно сокрушаясь, протянул умещающийся на ладони маленький пистолет.

— Памятная вещь, подарок. Не боевое оружие, а так, игрушка.

— Убить, однако, может твоя игрушка, — сказал Матушкин и, обежав взглядом трофеи, удивился. — Столько оружия на одного Пашку? А говорили "гольян".

— Гольян-то он гольян, но больно верткий. Похоже и сейчас вывернулся, — проговорил франт, не спуская глаз со своего пистолетика.

— Я о тебе слышал. Ты Гребешок, — сказал Валера. — Твою банду хотели нанять, чтобы убить меня. Но потом посчитали, что дорого возьмете, и наняли одиночку.

— Одиночка — дерьмо! — презрительно скривился Гребешок. — Как лабух кувалдой орудует. То ли дело мы — аккуратненько бы тебя уложили! Слушай, раз ты знаешь, что это не мы тебя, верни оружие, и мы смоемся. Тачка нам твоя не нужна. Кто на нее позарится, когда за ней мертвяки следят?

— Машина будет пристроена куда надо. Не вздумай по новому адресу за ней прийти. И другим накажи, — предупредил Матушкин.

— Верни стволы, сам ее под защиту возьму, — слукавил Гребешок.

— Это оружие больше стрелять не будет, — сказал Матушкин. — А тебе, Гребешок, пора каяться...

— Блажной я, чтобы каяться... — начал было бандит и тут же онемел, увидев как мертвец давит руками пистолеты, и они плющатся в его пальцах, словно пластилиновые. Матушкин бросил бесформенные куски металла на пол. То же самое с автоматом проделал Кобзев.

— Гад, инструмент загубил! — взвыл Гребешок и, присев на пол, подобрал и спрятал в карман то, что было когда-то стреляющим сувениром. — Каяться ему, — вопил он. — Понимаешь, мертвая голова, скольких людей я должен разорить, чтобы прежний набор сделать!

— Вы что тут, с ума посходили? Забыли про такое понятие, как труд? — не выдержал Кобзев.

— Труд! А я чем, по-вашему, занимаюсь? — негодовал Гребешок. — Гниете в своих могилах, ни фига не знаете! Сейчас труд все, что приносит деньги. Я в этом смысле тружусь, как никто: и мозги, и руки в работе. В чужую жизнь распоряжаться явились!

— Иди, Гребешок, иди и кайся, как я тебе посоветовал, — сказал Матушкин. — Зубной техник ведь, работа доходная.

Гребешок напыжился, горделиво распрямил свою цыплячью стать, круто упакованную в кожу и цепи.

— Чем ты мне за оружие возместишь? — важно обратился он к Матушкину. — Может, позволишь Пашку тряхнуть? Ты ведь как раз, говорят, банк собирался открыть, когда Пашка тебя заложил. Что, сойдемся на нем?

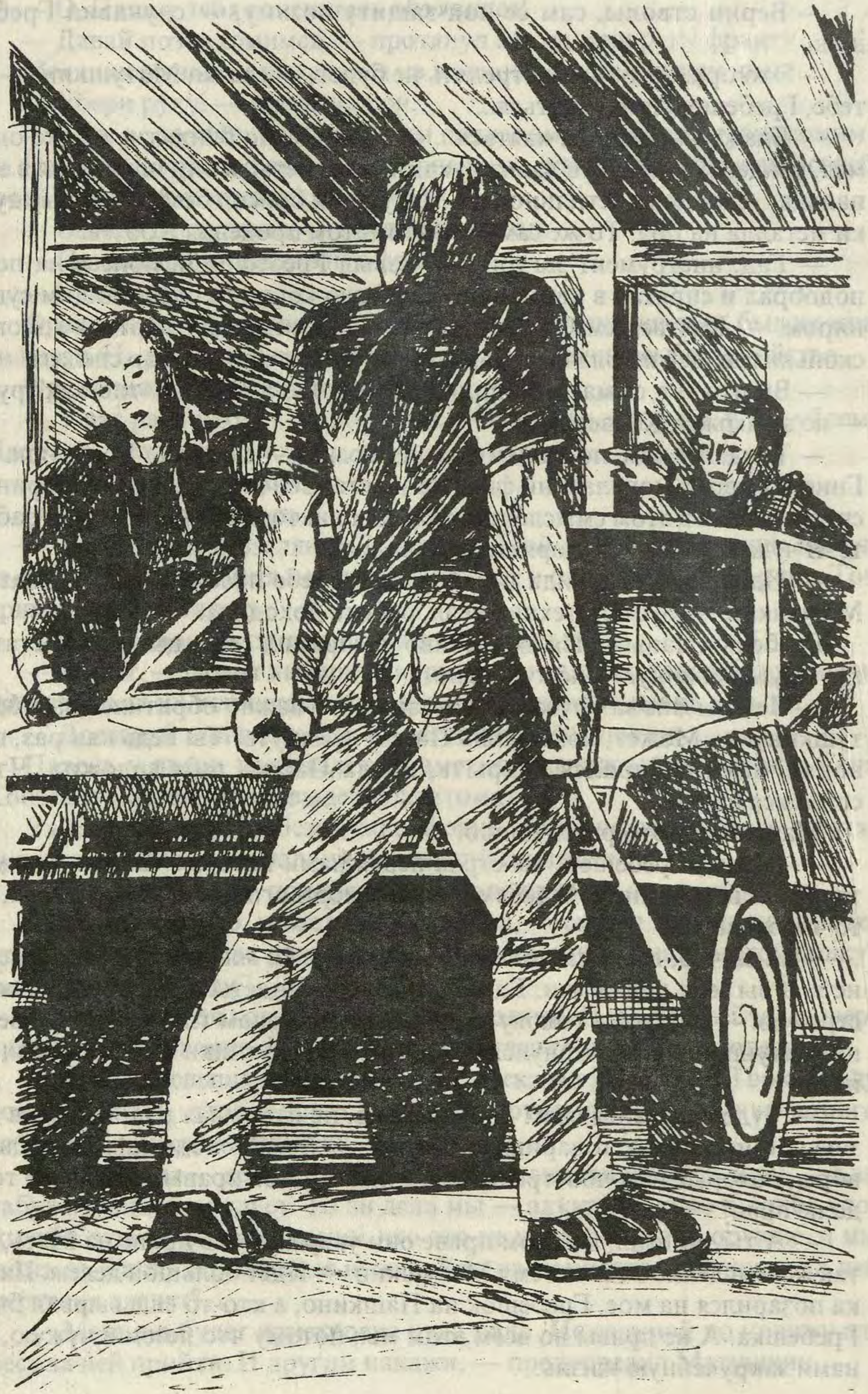
Матушкина это рассмешило.

— Никак, Гребешок, ты страх перед нами потерял? Видал, как мы твердые сплавы мнем? И тебя сдавим — мертвого места не останется, не то что живого.

— А за что, господа-покойнички? Какие ко мне претензии? Теперь не я, а вы мои должники. Где ни придется свидеться, а я свой должок стребую! — вздернув голову, Гребешок с вызовом глянул снизу вверх на Матушкина и развернулся к выходу. Его спутники проследовали за ним.

— Чуден сделался свет! — мысленно, не открывая рта, не издав ни звука, обратился к товарищам Саенко. — Все проходимцы, убийцы и воры, которые нам повстречались, считают себя правыми. Кто же тогда не прав?

— А ты заметил, в каком праве они уверены — в праве на взять, — так же мысленно отвечал ему Матушкин. — Идет большой дележ. Пашка позарился на мое, Гребешок на Пашкино, а кто-то еще вырвал бы у Гребешка. А не правы во всем этом мы, потому что лезем в чужую, не нами закрученную жизнь.



— Но так жить нельзя! — возразил Кобзев.

— Живут же, видишь, и наслаждаются жизнью, — безмолвно усмехнулся Матушкин. — Что из того, что мы объяснили Колодинскому несмышленышу, из-за чего не следует убивать? Разве он поступится благополучием собственной жизни ради спасения каких-то потомков? Что из того, что я пытался внушить Пашке, что он подлец, что его должна замучить совесть? А ваши невесты? Разве они такие, какими вы их оставили? Приноровились к этой жизни.

— Любаня не будет так жить! — горячо возразил Кобзев.

— Не будет, если кто-нибудь ей поможет.

— Я бы мог помочь! — мысленно воскликнул Кобзев и тут же покраснел.

Товарищи внимательно на него посмотрели.

— Не удержать тебе, Паша, моего мустанга, — сказал вслух Матушкин зятю, которому показалось, что шурин заговорил с ним сразу же после ухода Гребешка. — Продай моему приятелю Чукину, он при мне еще на нее заглядывался. Да не очень дери. Купишь машину попроще, еще и с деньгами останешься. И возвращайся, Паша, в науку.

Сказав это, Матушкин легонько похлопал ладонью машину и с нежностью к ней обратился:

— Скоро попадешь к новому хозяину. Он будет тебя беречь. Служи ему. Вещь не может существовать сама по себе. Меня забудь и прощай.

Автомобиль в ответ просиял ему огнями и покорно погас.

— Понял, умница, — похвалил Матушкин.

— Разве ты не прокатишься? — напомнил ему зять.

— Нет, я уже простился.

— Валера, спасибо, что спас. Ты всегда был лучше меня. И мертвый ты лучше меня живого, — со смущением проговорил Павел.

— Ты знаешь, Паша, мертвые не грешат. Живи, Паша. У тебя есть шансы на честную жизнь. Привет сестре и маме.

Трое пришельцев растворились, будто их вовсе не было.

Павел привалился к боку машины и заплакал. Что удивительно, автомобиль и ему просиял. Только Павел этого не заметил.

VIII. Двое уходят, третий остается

Дойдя до гаражного лабиринта, пришельцы заблудились в его закоулках и неожиданно вышли на кладбище.

— Это место мне знакомо, — сказал Кобзев. — Тут меня хоронили. Хочу взглянуть на свою могилу.

Он осмотрелся и понял, что от кладбища остался только его хвост. Головная его часть с арочным входом, каменной часовней, мраморными плитами и памятниками старинных захоронений исчезла. Это место

занял гаражный городок, и он продолжает расти, нацеливаясь на остаток кладбища. Кобзев помнил, что его хоронили с почетом, как комсомольца, погибшего от рук классового врага, и положили недалеко от входа. Значит, его могилу раскатали одну из первых. Вот тебе и "спи спокойно, дорогой товарищ"...

Сеня повесил голову.

— Ничего от меня не осталось. Будто не жил и не умирал.

— Значит, Сеня, пора тебе возвращаться, — сказал Саенко.

— Думаешь? — встрепенулся Кобзев. — Без меня непорядок тут, правда?

— Таких, как ты, Сеня, существенно не хватает.

— Любане может встретиться плохой человек, — забеспокоился Кобзев.

— А как же Кланя? — поддел его Матушкин.

Кобзев застеснялся.

— Любаня — та же Кланя... только из другого поколения.

— И она тебе нравится больше, — дразнил Матушкин.

— У нее такая чистая, такая невинная душа...

— ...Какая бывает у каждого, пока жизнь не стукнет, — докончил Матушкин.

— Я бы хотел к тому времени быть с нею рядом, — вздохнув, сказал Кобзев. — Чтобы... чтобы заслонить и вообще...

— Ну, ладно, нам пора! — нахмурившись, сказал Саенко. — День кончается.

Кобзев и Матушкин мгновенно посерьезнели, и все трое двинулись только им известным маршрутом.

Шли они быстро, но вот один из них начал то отставать, то изо всех сил догонять. И наконец, запыхавшись, взмолился.

— Ребята, погодите, у меня дух заходится.

— Дух заходится? — удивился Саенко.

Кобзев приложил растопыренную ладонь к учащенно вздымавшейся груди. На побелевшем его лице выступили, словно собираясь осыпаться, яркие веснушки.

— Что с тобой, Сеня? — озабоченно разглядывал его Саенко.

— Мне плохо, — прохрипел Кобзев и потерял сознание.

Друзья подхватили его, перенесли в ближайший скверик и положили на лавку. Стоя над ним, мысленно переговаривались.

— Я давно заметил, что с ним что-то неладно, — сказал Матушкин. — Он краснел и потел, как живой человек.

— Да, он оживает, — Саенко приложил ухо к груди Кобзева. —У него стучит сердце и дышат легкие. Он уже не манекен, как мы с тобой...

— И что мы с ним будем делать? — спросил Матушкин.

— Оставим его здесь.

— Он так не приспособлен к нынешнему времени, — засомневался Матушкин.

— Разберется, — пообещал Саенко.

— Мы с тобой, Гриша, можем для него что-нибудь сделать?

— А что? Он оживает. Все равно что рождается. Сейчас его возьмет под защиту судьба. А ты, разве что, сбегай позвони в скорую помощь. А я его покараулю.

Кобзев лежал все такой же бледный, но лицо его начало молодеть. Веснушки пропали, будто и в самом деле обсыпались. Коротко стриженные волосы подросли и стали слегка волнистыми. Выглядел он сейчас лет на шестнадцать-семнадцать.

Приехала скорая помощь. Кто-то из белых халатов спросил у Саенко, что случилось. Тот сказал, что проходил мимо, увидел, что парень упал, перетащил на лавку и остался посторожить.

Один из медиков извлек из кармана пиджака лежавшего парня документ, прочитал вслух:

— Кобзев Семен, учащийся строительного техникума.

— А, студент! — сказал самый главный в белой команде. — Голодный обморок у него. Тащите скорее под капельницу.

Пока студента затаскивали в машину, оба свидетеля исчезли. Их никто не хватился, в том числе и очнувшийся парень. Он знал о себе, что учится в техникуме, живет в доме умершей тетушки, растившей его с младенческой поры и помнившей его прадеда, в честь которого он и был назван. В больнице паренька навещала сокурсница, девушка с пушистой рыжей косой по имени Люба.